

Г. Кюлевинд

Размышление сердца

Содержание:

ПРОЩЕНИЕ

"Прости нам наши грехи, как мы прощаем тем, кто грешен пред нами"

Жест

Реализация

НОВОЕ "ЕСТЕСТВЕННОЕ" ЯСНОВИДЕНИЕ

Постановка вопроса

Ясновидение

Построение пути обучения

Исследование темы

Природа склонности, предрасположения и способности

ПАСХА

Отражение

Тело

Телесный образ

"И ЛОГОС стал плотью ..."

"Я-ЕСМЬ - Я есть Свет Миру"

Без отражения

Непреходящее тело

МИХАЭЛЬ - ДУХ ВРЕМЕНИ

РАЗМЫШЛЕНИЯ СЕРДЦА

Возможность Свободы

Сердце

Переживание идей

Через переживание идеи к Размышлению Сердца

Обоснованные [разумом] альтернативы чувства

Резюме

О РАДОСТИ

МЕТАМОРФОЗЫ ИДЕЙ

ВНИМАНИЕ В ОЩУЩАЮЩЕМ ВОСПРИЯТИИ

МУЗЫКАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ

Происхождение

Вневременное присутствие

Высшая сфера чувств

Симфония

Так глубоко, как минерал

Само-индугльгенция

Полифоническая речь

СЛОВО В МУЗЫКЕ

Музыкальное внимание

Реальность музыки

Сверхсознательная сфера в художественной активности

"Созвучие-согласование": Adaequatio

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРОЩЕНИЕ

"Прости нам наши грехи, как мы прощаем тем, кто грешен пред нами".

Наши грехи - наши долги - состоят из всего того, что относится к нашим талантам, способностям, возможностям, того, что мы можем дать другим, но не делаем этого потому, что к этому нас принуждает наша природа. Этот жест отказа происходит от "неделания" - упущенной возможности отдавать - от желания получать - от пребывания в несправедли-вости; из пассивных форм индифферентности [*равнодушия*] рождается агрессивная нена-висть и враждебность.

Этот отказ относится к реальностям жизни - как антитеза жизни - он не имеет ясных форм, не привязан к расе, нации, характеру, темпераменту. В этой реальности не отобра-жаются ни мысли, ни содержание. Однако в живой форме должен царить порядок, чтобы она могла стать носителем сознания. Понимание - в его глубочайшей сущности - есть истинное Бытие и в человеке эта способность должна была бы оставаться открытой, подобно рас-тению, растению-архетипу. Это означало бы, что мыслительный опыт есть нечто живое.

Такое живое мышление - мгновения интуиции, интуитивное знание - дает мне возможность познать, **ЧТО** я вызвал, какие чувства, в другом человеческом существе и **КАК** я это сделал, особенно если этот человек настроен против меня. Я должен быть благодарен этому случаю, так как через него я могу познать, что причина кроется во мне. Я приду к пониманию, для чего другому было необходимо восстать против меня, зачем мне было необходимо подвести его к этой ситуации. Вся ответственность объективно возлагается на меня. Выяснение этих "причин" помогает мне познать, где находятся мои собственные слабости, как воз-действовала эта слабость на другого, вследствие чего он вынужден был выступить против меня? Мне не нужно "прощать" его: здесь нечего прощать. Надо только понять, что причина во мне и попросить у него прощения. Это и означает, что моё собственное прегрешение прощено.

Значение мольбы: "Дай нам самопознание, в котором мы нуждаемся, чтобы

выявить наши грехи, нашу вину в отношении других, иначе это будет продолжаться до тех пор, пока не придет время этому выявиться". Когда мы действительно созерцаем вину в самих себе, то это и есть уже прощение. Чем дольше мы находимся в заблуждении, приписывая вину другому, тем больше находимся в её ловушке.

При прохождении нами через этот путь [*познавая, что вина не в другом, а во мне*], наше неправильное действие прощено. Что касается неправильного действия других, нам становится ясно: здесь наша собственная вина.

Когда в поисках собственных ошибок мы достигаем достаточной глубины, то приходим не только к их истинной причине, но и к основе вины: к изолированности, уединённости, к сути, ядру эгоизма, нежеланию, неотдаче, неуступчивости, непощению - все это находится в нас самих - мы приходим к такому человеку [*к нашей персоне*], который хочет остаться таким, каков он есть, и поэтому перекрывает себе доступ в Духовный Мир.

Это происходит со времен первородного греха и исследование истории греха может привести нас к его истоку. В этом заключается значение греха, его существование - для него и вследствие его. Вопрос заключается не в познании греха, что является долгом каждого человека, а в опыте - конкретном опыте текущих, "сиюминутных" задолженностей, в понимании величины наших собственных несовершенств.

Жест

Духовное обучение - упражнения в концентрации, медитации, в которых мы совершенствуемся - порой остается просто движениями эго в интересах эго собственного утверждения и укрепления. До тех пор, пока человек не овладеет основным жестом - жестом самоунижения - упражнения должны быть лишь подготовкой к этому жесту. Если этот жест, который должен освящать и оправдывать упражнения, не происходит, то процесс обучения остается полностью эгоистичным. Жест самоунижения - жест самореализации, он позволяет понизить себя - это парадоксальный жест, его сила состоит из освобожденной силы **Я**(Ich) таким образом, что существование эго разрушено в интересах Истинного Бытия, которое невозможно ни представить, ни понять, ни помыслить.

Пока я пребываю в "собственной правоте" [*Rechthaben*]*, пока я в ненависти, в страхе, в тревоге, пока я ожидаю чего-то личного, во мне не может быть любви. Любовь, даже если она существует только лишь ради одного человека, освобождает от ненависти, отвращения и любого страха. Ненависть или отвращение, которые перерождаются во зло, это та же самая сила моей любви, та же субстанция на том же самом уровне.

* Rechthaben - неуступчивость, своеобразие(нем.)

Медитация: Свет дает жизнь растению, но растение вызывает загрязнение почвы.

Когда я обнаруживаю, что обвиняя другого я не прав, то я должен сделать единственный вывод: если другой ошибается, находится в заблуждении, то он определенно слабее, более угнетен и более искушаем; я, с другой стороны, сильнее и здоровее его. Единственная воз-можность помочь ему - это я сам, я должен сделать первый шаг. Если же я буду ждать, что-бы первый шаг совершил он, то этим признаю его сильнее себя: я осознаю, что он прав, а я заблуждаюсь.

Тот, кто ищет и находит ошибки в других, тот должен немедленно начать искать их в се-бе. Искать ошибки в других несомненно является грехом - грехом познания; вина налагается на человека через веру в факты, которые существуют независимо от нас и нашего познания. Предположительно такой факт - это вина другого человека, которая нас не волнует, в кото-рой мы не участвуем. Мы допускаем, что мы не лишили другого чего-либо, что предохра-нило бы его от заблуждения и совершения ошибок. Причина "вне" другого человека, он просто поступил "неким образом". Во всем этом мы обнаруживаем моральный наивный реализм, который приводит к преследующему нас комплексу.

Давайте придем к заключению, что факты, которые вызывают страх, отвращение, сильное желание или ненависть, порождают страх, ненависть, сильное желание потому, что все это уже находится во мне. Факты таковы, какими я способен их видеть и чувствовать.

Желание, отвращение, страх, тревога, традиционализм - все это или цепляется за Прошлое или бежит от него. Это является манифестацией Эроса, переживанием самого себя или желанием иметь это переживание. Отказ от определенной сферы переживаний - обида, отв-ращение, тщеславие - это жертва собой, которую мы не предрасположены совершить. Принятие смирения тогда не является отказом; только искренность, основанная на познании действительности, реальности, приводит к пониманию того, что во мне причина; я виноват: не надо ждать, что другой первым проявит активность ... Не существует никаких "после"; нечего ждать. Самое легкое - однажды совершить отказ. Но это уже не отказ, это завершение.

Все это относится к тому, кто верит, что это касается другого, а также чувствует, что это применимо к нему самому.

Чей же грех не был прощен?

Кому я не простил его вины?

Жест заключается в самоунижении и отступлении. Принимая "реальность" [*как антитезу*] моих рассуждений, отрекаясь от самоуважения, воздерживаясь от удовольствий, осно-ванных на фактах, развернутых вокруг человека, позволить всему изменится - включая самого себя - а также отказаться от всякой гордости: это белая магия, начало и конец которой в уничтожении заклинаний, чар, колдовства и трансформации моего собственного Бытия. Больше ничего не требуется. В реальности должен быть виден только мир и ближний человек, здесь находится корень очарованности миром. Белая магия состоит из чистоты челове-ческих деяний, которые он должен совершить и которым он не противится. Далее происходит нечто, но уже без участия человека - это нечеловеческое деяние.

Человек никоим образом не должен оценивать последствия этого жеста, он и не сможет этого сделать потому, что это нечеловеческий случай. Когда вы оцениваете или выражаете собственное мнение - вы этим делаете **ничего**.

Велик тот, кто способен усмирить самого себя без высокомерия и не получает от этого никакого удовольствия.

Тот, кто не желает побеждать - непобедим.

Позвольте самому себе отступить.

Болезнь не является недостатком силы, это признак чувствительности, именно из нее и рождается сила. Кто не чувствует, что он болен, именно тот и не здоров. Кто не понимает, что совершает ошибку, как раз тот и ошибается, более того, удваивает её.

Возлюби врага своего. Он даст тебе возможность познать самого себя и прийти к самоунижению. Он дает возможность не быть враждебным и любить врага своего. Он взял на себя роль более слабого, чтобы ты смог отказаться от убежденности в своей правоте, в своей гордости, своем "Я", чтобы был некто, кого ты не желал бы покорить, над которым не хотел бы царствовать. Ты познал - как истинный факт - что твое правление господствует над многими. Любите врага своего: он потому лишь враг, что ты считаешь его таковым.

Мы не должны стремиться только лишь к тому, чтобы быть хорошими и уметь прощать: это все гордыня и высокомерие. Пусть будет твоим стремлением познание истины - этого достаточно. Достаточно, если ты познал и признаешь, что самое ценное и дорогое - твое "Я" - в действительности является источником беспокойства в Мировом Бытии. Проси прощения за то, что существуешь.

Любовь не есть любовь, если в ней уже заключено отречение, непонимание, неприятие, сопротивление. Новая Заповедь: **Любите друг друга, как Я возлюбил вас.** Любовь - это прощение предательства, неверности, даже прежде чем они свершились. Такие "объятия" творят и поддерживают тебя каждое мгновение.

Реализация

Если кто-либо начнет рассматривать вышеизложенное, как просто совет или правило, и будет таким образом пытаться осуществить всё это, то данный факт означает, что он не понял сути. Понять может лишь тот, кто смог реализовать и осознать это. Истинное осознание - "знание" - не является ни признанием, ни принятием того, что было сказано. Это и не пронизанность [*знанием*], а интенсивная медитация. Это не норма или стандарт - это лишь формулировка медитации, за которой следует дальнейшая медитация; мгновенное [*"сиюминутное"*] познание - не заранее приобретенное мнение, даже если это интенсивное познание - всегда требуется для понимания, для "действительного делания", для актуальности чего-либо. Только лишь памяти недостаточно для истинного понимания.

Тот, кто правильно познает эти сообщения, достигает действительного совершенства. Он доходит до интуиции по отношению к отдельным событиям. Сила, с которой интуиция может быть вынесена прямо из глубин его собственного Бытия, действует над миром. Этим сделан шаг к пониманию **само-познания**. Это синтез сил познания - знания - воли, прежде находящихся долгое время в разделенном состоянии.

Тот, кто таким образом познавательно приближается к упомянутому выше, получает силу познания - силу совершенства чего-либо в действительности. Пока эти силы были связаны с его "эго" - то это были те же самые силы, которые мешали познанию. Познание есть самоотказ - преданность. Душа использует эти силы самоотказа, связанные с телом, в своем "эго"-существовании. С другой стороны, познание и моральность подпитываются и поддерживаются теми же силами - они вытекают из самоотказа в направлении тела или в направлении мира. Таким образом все усилия отраженного сознания бесполезны - из этого рождается неморальность, а творческие силы отдаются телу и именно по этой причине это является отраженным сознанием.

Через медитативное сознание мы должны испытать становление "С" [*с чем-то*], транс-формацию "В" [*во что-то*], **Что** познается. Другого пути нет. Это самопогашение - боль. Это радость: войти в бытие другого человеческого существа - понимание, совершенство. Метаморфоза есть: познание. Познание - интуитивное знание - есть метаморфоза. Только познание, находящееся на отраженной поверхности, отделяет самого себя от Истинного Бытия, вследствие чего возможно приобрести понимание Бытия и самого себя. Наибольшим препятствием к пониманию является факт - однако факт этот всегда уже познанный факт. Точно также, как зрение [*увиденное*] не является причиной видения, также обнаруженный факт не является причиной его познания. Подобным образом, уже увиденное - это результат видения, также факт является результатом моего познания, и это - мой опыт. Излишне говорить, что этот опыт никогда не заканчивается, пока я живу. Тем не менее, сегодняшний факт может меняться в течении жизни. Сегодняшнее несчастье в будущем может оказаться благословением, а радость - трагической ошибкой. Человек, для которого факты не меняются, должен признать, что не находится на правильном пути. Постепенно факты выходят наружу, показывая свою суть. Они до конца не раскрывают нам своего лица, они живут с нами. Факты не произошли: они постоянно происходят.

Факты всегда говорят нам что-нибудь, чаще всего на перевернутом языке, так как мы не знаем их истинного языка. Если бы мы постигли это, то пошли бы другим путем. Соответственно, как мы понимаем их язык, так это все и накладывается на нашу жизнь чувств. Истинный язык фактов является высшим творческим языком наших глубочайших природных чувств, который мы связываем с каждым нервом и со всеми фибрами нашего тела. Эти факты запланированы и вновь обнаружены нашим истинным "Я" и мы сражаемся с ними со всей имеющейся у нас силой.

Тот, кто верит, что внешние события, факты, могут перевернуть мир с ног на голову, он также знает, что существует мир, абсолютно независимый от его познаний. В древние времена познание означало изменение, преобразование форм,

трансформацию. В те времена силы познания были космическими силами, силами Бытия. На ранних стадиях становления отраженного сознания моральность могла быть ещё эффективной, развитие её черпалось из внешних источников. Ещё раньше органы чувств и органы познания формировались одно-ременно. Понимание и самоформирование было одним и тем же процессом. Не было "во вне", не было "внутри", а лишь мировой процесс. Не было женского и мужского, только лишь - человеко-существо.

Познание себя, осознание истинного "Я" есть синтез силы познания и силы воли. И в этом синтезе нет ни внутреннего, ни внешнего, ни мужского, ни женского. Любовь приводит в движение эти силы синтеза - наивысочайшая сила мирового сознания, стоящая выше мужского и женского - она помогает новому "Я"-носителю в его земном существовании. И только истинное "Я" может достичь этого в совершенстве. Сила его одинаково активна как в мужчине, так и в женщине. Сегодня эта сила самопознания всё ещё спит, находится в сновидческом состоянии. Она должна проснуться в реальности, в понимании прощения и самоунижения. Поскольку эта сила всё ещё спит, сновидит, то она может непосредственно двигаться только лишь в направлении усиливающегося сознания. Мировой процесс, как внутренний, так и внешний - единый процесс. Мир есть Вселенная, это нечто единое, познание и человек - одно целое, единый процесс: познание. Мир есть познание - осознание в истинной жизненной реальности. По этой причине исходной точкой познания является удивление. Я обнаруживаю, что я чего-то пока не понимаю, но в тоже время замечаю. Удивление протекает в мировом процессе, оно принадлежит ему, а не событиям; оно ведет туда, откуда начинается.

Желательно принять это с удивлением и изумлением, преданностью и самоотказом, что же касается фактов - особенно враждебных - то я принимаю абсолютно все, что предлагает мне мир. Итак, принимая это без сопротивления, позитивно, через интуицию, я могу без предубеждения, совершенно по-новому, без подражания - позволить фактам открыть мне то, чему они хотят научить меня. Восприятие есть то, чему оно учит меня. Это означает: я должен осознать, понять то, что я принимаю, иначе все проходит поверхностно, а значит я не принимаю этого. Искупление [*освобождение, спасение*] уже свершилось, иначе мы не смогли бы противостоять этому. Возможности и методы для приобретения этих знаний находятся в распоряжении человека. Мир в своем собственном свете.

Понимание есть восприятие; восприятие - познание; познание - в перерождении.

"Возлюбленные! Мы теперь дети Божьи; но ещё не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому, что увидим Его, как Он есть". (I Иоанн 3:2)

НОВОЕ "ЕСТЕСТВЕННОЕ" ЯСНОВИДЕНИЕ

Постановка вопроса

Рудольф Штайнер в различных лекциях говорил о способности, которая естественным образом будет развиваться и, возрастая, начнет проявлять себя приблизительно с 1930 года в различных аспектах: возможность восприятия эфирного мира в целом, восприятия неизбежной компенсации за действие, совершаемое человеком, а также созерцание эфирной Земли и в особенности явления Эфирного Христа. Понимание этого подводит к вопросу: что подразумевается под "естественным" развитием и каким образом оно связано с учением Рудольфа Штайнера? Более того, какую роль играет Духовная Наука в связи с восприятием в эфире ЛОГОС-Бытия. Сегодня эти вопросы особенно злободневны и актуальны. Возросшее количество публикаций о встрече с ЛОГОС-Бытием - многие из которых сенсационны, отчасти религиозны - подтверждают высказывания Р. Штайнера по этому вопросу.

Ясновидение

Не-ясновидящий не может описать, что такое ясновидение. Он может понять это только в сфере идей, ему недостает необходимого элемента восприятия, а также отсутствует понятие этого. Идея ясновидения - как и любая другая идея - может быть схвачена на уровне интуиции. Последующие мысли принесут пользу в понимании интуиции.

Каждодневное сознание не в состоянии понять процесс познания - процесс мышления, восприятия и создания ментальных образов - но только лишь его конечный продукт. Следовательно это есть прошедшее сознание, сознание помышленного, воспринятого, внутренне уже представленного. Ясновидение имеет место, когда сознание сопровождается процессами познания, такого познания, которое предшествует результатам. Таким образом это входит в сферу Жизни (имагинация), приближаясь ко все еще отдаленной сфере Слова (инспирация), сфере, которая также является областью творческо-созидающей любви. Когда это "переживание "С" (вместе с...) и "В" (в чем-то) (Miterleben*) происходит без "Я"-сознания - как бы в сонном состоянии, где "предмет", погруженный в опыт, становится частью происходящего опыта - такой вид познания был свойственен человечеству в дохристианскую эпоху. Через естественные способности человек был связан с жизненными и чувственными процессами мира и участвовал в них. В обучении это привело к посвящению, через стремление и старание достичь цели, которая недостижима обычными способностями и методами. Это направление к эго или "Я"-сознанию было взято из методов обучения, соответствующих тому времени, где посвящение, в основном, приводило к частичному или полному погашению каждодневного сознания. Высшее "Я"-сознание настолько продвинулось в своем развитии, что стало сильнее, чем "Я"-переживание, и оно постоянно парит над ними, как далекая цель, находящаяся под пристальным вниманием величайших Хранителей и Водителей человечества.

* Miterleben - переживать, испытывать (нем.)

В Христианстве импульс высшего "Я"-сознания вышел наружу из Мистериальных Школ. Сегодня через современные духовные упражнения стало возможным сохранить непрерывность перехода от каждодневного сознания к ступени высшего сознания и оказывать поддержку созерцательному эго-существованию с помощью переживаний того же уровня сознания, какое ранее достигалось в сновидениях, хотя и в освещенном состоянии. И это уже самодостаточно, что есть два опыта и они неодинаковы.

Построение пути обучения

По монистической эпистемологии [*теории познания*] Рудольфа Штайнера процессы познания не "субъективны", т.е. не только происходят внутри человеческого сознания, но являются и мировыми событиями, которые человек способен воспринять. Важной характеристикой более полного, а также раннего познания является то, что разделение восприятия и понимания уменьшается пропорционально возрастанию природы познания. В современном каждодневном сознании восприятие и мышление абсолютно разделены между собой. Человеческие существа могут воспринять только то, для чего у них имеются понятия. Это та ситуация, которая определяет методы достижения высшего сознания современного человека. Первым долгом он должен определить для себя, что означают эти новые понятия вновь пережитого реализма посредством мыслеподобной интуиции и, насколько это возможно, без предварительного обучения, восстановление его ослабленных интуитивных способностей. При соответствующих духовных упражнениях могут быть развиты органы духовного восприятия. Если человек захочет достичь духовного восприятия любыми другими способами, не имея соответствующих понятий, то он может либо вообще не воспринять - восприятие ускользнет от него - либо он будет интерпретировать воспринятое ошибочно, используя привычные понятия, взятые из мирового прошлого. Например, он может осветить их материалистически, или посчитать этот феномен ненормальным - галлюцинацией и т.д.

Становится очевидным, что после разделения мышления и восприятия - которое позволило "Я"-сознанию возвыситься в мышлении - ни позитивное развитие сознания, ни новые способности не могут возникнуть сами собой, "естественным" образом. Понимание, присущее высшему сознанию, должно быть охвачено мышлением, человек может мыслить лишь посредством своей собственной активности. Для продвижения вперед сегодняшнего сознания неправомерно просто ждать "естественного" развития, так как достижение цели возможно лишь посредством высшего активного обучения; человеку, имеющего самосознание, чтобы не поступало "извне" в область его сознания - без его собственной сознательной активности - может только лишь нанести вред. По этой причине все более своевременным и актуальным является вышеупомянутый вопрос.

Это не может быть решено через кропотливое исследование темы, ни через веру в авторитет, а только лишь проникновением в его суть - через понимание. Даже авторитет должен быть понят, а исследования могут лишь направить нас на путь к

пониманию.

Исследование темы

Когда бы ни описывалось появление ЛОГОС-Бытия в эфире, мы обнаруживаем утверждения, которые преподносят нам это, как естественное событие. Однако, чаще всего это всего лишь предрасположение к тому, что названо естественными способностями. Напри-мер: "Совершенно особенные способности проявят себя в человечестве, как естественные"(1). В этой же лекции говорится о необходимости понимания этого посредством Духов-ной Науки(1). "Является необходимостью... постепенно осуществлять развитие человечества, чтобы оно смогло выработать эти способности" (1). "Он (Христос) вновь явится человечеству, когда оно поймет, что настало время воспользоваться этими способностями, которые проявят себя в ходе эволюции" (1). В другой лекции выражение "нормальные способности" использовано в связи с восприятием эфира вообще - повсеместно(2). Сделано разграничение между предрасположением и применением этих способностей. "Здесь мы имеем два потока: внешний (достигнутые человечеством способности) и внутренний (человечество должно сделать всё возможное, чтобы приступить к их использованию)"(2). И опять было сказано о "восприятии в связи с естеством"(2). В лекции от 15 марта 1910 года в г. Мюнхене возможности воспринимания характеризовались как "естественное состояние... для некоторого количества человеческих душ"(3). В то же самое время Рудольф Штайнер указывает на роль Духовной Науки, которая подготавливает почву, на которой эти предрасположения могут достичь своего развития. "Способности, которые сегодня приобретаются посредством посвящения, в будущем будут общими для всего человечества"(3). Однако, "необходимо, чтобы человечество... понимало всю важность этих способностей"(3). "Сейчас время подготовки к тому, что сделает возможным заново раскрыть в человеке - без специального обучения - нежные ясновидческие способности"(4). Эта способность даст возможность воспринять будущую компенсацию за уже совершённый поступок, а также лицезреть эфирное тело человека. Духовная Наука вносит ясность в современное человечество о том, что происходит. Для конкретного человека "событие, произошедшее с Павлом под Дамаском" будет пов-торяться "через естественное развитие"(5).

Во многих местах Рудольф Штайнер говорил о вполне ясных, определенных способнос-тях. Эти способности должны "победить"(6) (Hinzueroben), должны быть "достигнуты"(6) (Ertingen), "приобретены"(6) (Erwerben). "Когда люди развиваются в направлении эфирного видения, то они созерцают Христа в Эфирном Теле, но к этому они могут прийти только лишь через Духовно-Научное понимание и прочувствование"(7). "Будет определенное количество людей - если только они будут волиять - которые достигнут нового ясновидения"(8). Человечество "предрасположено" (Anlage) к такому ясновидению и эти способности "будут достигнуты"(8) на физическом плане. Ни один человек не поверил бы, что откровение Христова события - которое может быть понято только лишь через полное Духовно-научное обучение - не принесет свои плоды тому, кто

уже прошел через врата смерти, в то время, когда на земле происходит Эфирное Явление Христа"(8). Восприятие и осознание "Второго пришествия Христа в первой половине XX века станет возможным через Антропософское понимание мира"(8). "Но человечество останется в неведении, если оно не подготовится посредством Духовной Науки к тому, что оно должно увидеть"(9). "В течении последующих трех тысячелетий человечество должно достигнуть способности созерцать в физическом мире Сверхчувственного Христа и как раз для этого существует Духовно-научное Движение"(10). "Следовательно каждый, кто захочет стать на истинный путь развития, должен выработать в себе видение Духовными глазами"(11). "Результатом понимания Антропософии будет то, что люди получают возможность воспринять Эфирного Христа - и это начинает вступать в мировую историю с XX века"(12). "Если человек правильным образом откроет свое Духовное видение - через интенсивную работу в Антропософии - то он сможет лицезреть стоящего перед ним Христа" (13). "Тому, кто проходит через врата смерти, не взяв ничего из Духовной Науки в этой инкарнации, придется ждать следующего воплощения..."(13). В лекции от 4 ноября 1911 года (г. Лейпциг) сказано: "Человечеству будет дана возможность созерцать Христа в Эфирном Теле на астральном плане и кто впитал в себя Духовную Науку, смогут лицезреть Его. Тот, кто прошел через врата смерти, подготовив себя через Духовно-научную работу, будет созерцать Христа в Эфирном одеянии между смертью и новым рождением... А тот, кто насмеялся и презирал Духовную Науку, будет лишен этой возможности"(14). Данной теме посвящена лекция Р. Штайнера от 14 октября 1913 г. (г. Копенгаген)(15).

Природа склонности, предрасположения и способности

Из множества лекций Р. Штайнера становится очевидным, что мы действительно имеем дело с "природно-естественным развитием" новых способностей. Для развития этих способностей необходимы склонность и предрасположение.

Однако это не является достаточным условием. Соответствующие идеи должны быть достигнуты путем индивидуальной Духовной работы, чтобы склонность и предрасположение стали способностью. Через Духовное обучение человек может предвосхитить такое развитие. Склонность, предрасположение заключено в человеческом эфирном теле, которое становится все более и более независимым от физического. Иными словами, все больше и больше сил, не используемых в биологической жизни будут высвобождаться для познания. Освобождение этих сил(16) связано с развитием свободного от ощущений интеллектуального мышления(17), а также с постепенным отмиранием нервной системы, отражающая способность которой тем выше, чем меньше она сама живет. На самом деле носителем общей суммы нашего интеллекта является эфирное тело(17) и это является ключом к пониманию целого ряда вопросов. Освобождение этих эфирных сил, с одной стороны, приведет к тяжелым последствиям (возрастет восприимчивость человека к болезням), а с другой стороны, к возможностям

познания. Развитие, о котором идет речь, может пройти незамеченным и будет упущено как отдельными индивидуальностями, так и человечеством в целом. Задача Духовной Науки - предотвратить это, что даст возможность человеку с помощью Духовных упражнений (если его интеллект не болен) интуитивно формировать идеи.

Основной необходимостью является подготовительное терапевтическое обучение. Вышеупомянутые приобретённые способности состоят из возможности созерцать эфирное тело, также восприятие неизбежной компенсации за совершённый поступок и видение эфирной Земли. Результатом всего этого будет то, что пережил Апостол Павел под Дамаском - видение Эфирного Христа в образе Ангела (18). Способность созерцания Христа не может наличествовать в отдельности, но только лишь совместно с другими способностями, речь о которых шла выше. Этот дар будет назван "Интеллектуальным ясновидением"(17), а человек станет "Интеллектуально ясновидящим"(17). Исходя из этого можно сказать, что Павел имел в своём распоряжении в изобилии необходимые понятия. Этот эфирный опыт не должен быть связан с ментальным образом, основанным на физическом переживании. Общение с Эфирным Христом как с физической личностью будет возможно лишь тогда, когда человек сможет взойти в Эфирный Мир с помощью своих собственных способностей(2).

Рудольф Штайнер в своих лекциях описывает определенный вид замешательства от неожиданной встречи с ЛОГОС-Бытием и происходящем при этом глубоком переживании. Когда такое переживание происходит - как неожиданная встреча - на уровне физического сознания, то человек имеет дело с оживлением ментального образа и становится возможным частичный выход наружу эфирного тела, что при других обстоятельствах может произойти по причине болезни, угрожающими жизни обстоятельствами или глубокими переживаниями. Характеристика этого дарующего силу переживания совершенно реальна и приносит утешение человеку; оно ничего не привносит нового в ментальные образы Спасителя, но лишь правильнее воспроизводит их. Подобного рода опыт не означает новую интуицию, в противоположность этому действительное переживание на уровне жизне-сознания всегда проявляется неожиданно, невообразимо и не имеет сходства с ментальной картиной. Природа переживания Эфирного ЛОГОС-Бытия может быть охарактеризована следующими словами(19):

*"Сегодня мы стоим перед необходимостью того, что было сформировано в подсознательных силах души, это должно быть вынесено наружу и сознательно помещено перед душой. Мы обязаны понять, **КТО**, начиная с Мистерии Голгофы, действует в Ауре Земли и в человеческих душах, а также определяет и направляет историю Земли и всего человечества".*

В дохристианское время Переживание ЛОГОСА всегда было самооткровением, Жизнью мира, Божеством. Сегодня переживание ЛОГОСА следует искать в сознании бодрственной активности и в жажде познания Мира.

ПАСХА

Отражение

Видение предшествует всему: увиденному, отражению и даже провидцу; именно поэтому провидец может видеть увиденное, а также отраженное. Нам не нужно видеть отражение.

С тех пор, как видение видит отражение, видимые в отображении картины не могут возникнуть из отражения, они рождаются из активности видения. Даже образ этого отражения происходит из видения. Для начала провидцу необходимо отражение, так как он не может вынести прямой свет видения.

Мир образов в отражении "мертв", не имеет жизни; жизнь, оживление - в видении. Мир отраженных образов - это прошлое, это увиденное; настоящее - только видение. Отраженный мир ограничен; новое начинание для видящего возможно только через видение, вне отражения. Начало может быть отражено, но происходит оно вне отражения, не из того, что открыто.

Отраженный мир происходит по законам сохранения энергии и материи, но в действительности ничто не сохраняется посредством самого себя. В "закрытом", ограниченном мире только такая энергия и материя могут быть сохранены, которые потеряли свой вид и достигли мертвой точки - пепла. То, что имеет вид, склонно к бесформенности, хаосу. Чтобы что-то сохранило свой первоначальный вид, требуется активность: необходимо новое начинание не только для того, чтобы войти в Бытие, но также чтобы сохраниться.

С тех пор, как в ограниченном мире нет нового начинания, нет и надежды. Следовательно, это есть образ ада, "игорного дома", где рушатся все надежды: это есть то, что ведет в ад. Надежда существует лишь там и тогда, где есть новое, где возможно начинание.

Истинное мировоззрение ограниченного мира - это пессимизм, истинное чувство ограниченного мира - чувство страдания; существование есть страдание. Истинное устремление ограниченного мира - устранение страдания, угасание существования, не-существование Земли и человечества. Отчаяние позади каждого веселого настроения.

Первый жест творческого и созидającego Бытия - всегда возвышаться над страданиями, чтобы помочь миру в становлении. Первое творение любви - первая любовь - есть: "Да будет свет". В начале было Слово: "И БОГ сказал, да будет свет".

Тело

Падение - это заблуждение провидца: он принимает отраженный образ за

реальность - невидение; и в тоже самое время принимает на себя свой собственный отраженный образ. Благодаря этому заблуждению человек разделен между телом и миром вне тела; он не может полностью отдать себя миру потому, что потерялся бы в нем и не смог бы переживать его. По этой причине у него нет сознания во сне, поскольку человек отделен от тела и полностью отдан миру вне тела; а также в момент познания у него нет осознания, только лишь в познанном, в увядании процесса познания. Он идентифицируется с частью мира - отражающим телом - в самоощущающем жесте, вместо "познания" мира с познающим видением. Телесное само-сознание не происходит из познающей природы естества, так как видение рождается в сфере вне тела, из процесса видения, который идентичен миру вне тела: как остаток от прошлой тождественности. Без этого сознание было бы полностью погружено в эгоизм: в ограниченное сознание отраженного образа, которое характеризуется соответствующими картинками "закрытого" мира.

Отражение действительно служит провидцу так, что он может созерцать видение, а не только увиденное. На каждом уровне "тело" нуждается в познании: одна часть провидца должна быть неподвижна, находиться в покое, чтобы он был в состоянии измерить свое собственное движение и опытным путем понять, что он идентифицирован со своим видением. Иначе это было бы не видением, а лишь слепой идентификацией.

Предполагалось, что свет должен переживать себя в отражении; физическое тело может служить этой цели, как непрозрачное и "безжизненное" отражение. Но в результате главной ошибки видение было утеряно; остался только отраженный образ - по меньшей мере, на время, но это выделенное время истекает - потому, что "начинание" упущено. Одновременно с этим, отражение было испорчено его неподходящим использованием.

Реально процессы души происходят в сфере "чувства" и "жизни". Эти процессы должны быть отражены телом, чтобы жить для "Я". Тело это физическое: в нем нет познания, оно не "знает", оно "узнало"; в теле может лишь ясно наблюдаться результат. Через каждое познаваемое действие его минеральность умеренно изменяется: первоначальная форма физического тела разрушается. В процессе познания физическое тело не пришло бы в движение, оно слегка отразилось бы; таким образом провидец мог видеть без чувствования самого себя. В познающем процессе движения в теле не достигают сознания. Физически-материальные процессы колебания и химия в лучшем случае становятся второстепенными внешними знаниями, которые сугубо специфически направлены на эти процессы. Например, когда мы видим зеленый цвет, физические и химические процессы в органах зрения и в центральной нервной системе не входят в поле сознания, а остаются аспектами, которые не осознаются.

Органы чувств играют негативную роль. "Я", провидец, всегда в свете: полностью, нераздельно, всецело, целиком **ТО** - индийское **ТАТ**. Но в этом нет осознания. "Я" становится сознающей частью мира, которая "передается" также чувствами: свет, рождающийся в маленькой части мира, становится впечатлением. Остатки света во внешней части мира сейчас теряются и мы сознательно воспринимаем эту "утрату". Следовательно процесс нашего видения полностью

противоположен учению оптической физики.

Мы видим через отражение, в загадках, в ребусах, как говорится, через искривленное зеркало, иначе говоря: **"Мы видим сквозь тусклое стекло ... отчасти"**.(I Кор. 13:12). Мы видим разделенными органами чувств, а не единственным центральным органом чувства.

Мы переживаем первую встречу со Светом, как бы во сне. Наше видение есть "видение после свершившегося факта, события"; наше мышление - "повторенное мышление". Мы также в состоянии "мыслить наперед", "предвидеть". В мышлении производящая и воспринимающая активности практически одно и то же: я не могу понять мысль, пока не завершу процесс мышления. "Предвидение" - это имажинация, активное созидающее форму, видение. "Предслышание" - это инспирация, рождение тона, не последний, не заключительный тон; это есть слышание обертонов. Они более нежные, чем самые нежные тона; слушание без физического органа, без движения минералов.

"Знание", познавание есть: **ТО - ТАТ** - становление "Я". **Я ЕСМЬ** - Я есть Свет Миру: Основное переживание; небесный, сверхсознательный источник всех знаний.

Неподвижное Бытие является фоном, необходимым для каждого переживания. "Я", переживающий субъект, "следует" за всем, становится **тем** или **этим**, поэтому он и требует фона, который "не следует" за ним, не становится идентичным с ним, через которое "Я" может переживать свою собственную метаморфозу. Чем выше план сознания, тем тоньше отражение.

Для познания тело является объектом. Это наименьшая знающая часть мира потому, что привязанность к телу, самочувствование, непознаваемое отождествление действует на видение. Очень скоро человек начинает называть свое тело "Я"; именно это и есть привязанность, что на самом деле означает падение. В действительности тело могло бы стать истиной, неискаженным отображением "Я", но только лишь много позднее. Благодаря непродуманной роли "Я-носителя", оно никогда не становится истинным отражением и не дает возможности истинному самосознанию войти в Бытие. Привязанность не направлена на тело - которое человек не понимает - но на ощущение тела, на чувственный образ. Например, внешнее физиологическое знание тела приобретено с помощью деятельности органа познания, что уже отчуждено и искажено его зависимостью от тела - которое хотело бы это знать.

Качества и категории в мире являются внешним отражением света; в имажинации - обоняние, осязание, теплота; в инспирации - тон, язык; в интуиции - мысль, "Я". Проникая в нас, отражаясь, они становятся чувствами мира. До отражения они являются Духовным Миром, Светом.

Телесный образ

Отождествление человека с телом было вызвано поспешностью, которая

привела к заблуждению. Там, где свободный Дух входит в тело - в завершённую форму - он разбивает эту форму. "Разрушение" - это выпадение из жизни, минерализация. Эта минерализация наполняет телесную форму. В таком теле, наполненном минеральностью, жизнь должна бороться с законами минерального мира, "сжигая" тело. Через такие процессы сгорания тело не строится, а разрушается. Если бы не было скрытых строительных процессов, которые доминировали в младенчестве и детстве, то вся наша жизнь от рождения и до смерти шла бы в направлении продуктов сгорания. Человек не знает этих строительных сил потому, что он не может осмыслить их своим отражённым, связанным с телом мышлением. Он в состоянии лишь осмыслить упадок, разрушение формы, но не вхождение в Бытиё. Несмотря на то, что мышление само по себе является светом, человек мыслит отраженным способом, в соответствии со своей телесной организацией. Телесное мышление есть разрушение минерального тела - это смерть.

Сознание или самосознание, связанное с разрушающимся телом, не зная другой жизни и другого существования, может развивать понимание и понятия только лишь по образу существования связанного тела. Отсюда рождается очень важный и существенный вопрос: будет ли "Я-сознание" разрушено вместе с телом? Возникает сомнение - существуют ли "Я"? Вообще существование человека становится сомнительным. Если бы мы обратили внимание на это сомнение, то разрешили бы данный вопрос: если "Я" может видеть отражение, то "Я" не похоже на него и может видеть самого себя независимо от него. Любой, кто "видит" вообще - "тускло", через отражение, или лицом к лицу - независимо от отражения и отраженных образов, тот предрасположен к вечности. Если человек осуществит в себе сознание, свободное от тела, то целостность этого сознания не прерывается с разрушением тела. Таким образом древние Священные Писания говорят о различных видах смерти тех, кто получил Посвящение в Мистериях.

Свободное от тела сознание не является ни диалектическим, ни минувшим; оно не состоит из законченной мысли, восприятия или образа: это есть живое сознание, льющийся элемент, из которого выпал прошедший мир.

Это живое сознание медитации, которое не касается или едва касается физических органов, оно не погружено в них. Прежде в Христианстве это сознание достигалось через инстинкт телесного сознания. Не было целостности, непрерывности между двумя видами сознания. В дохристианской доктрине сказано: Божественный элемент таится в человеке. Этот элемент является источником человеческого сознания в любой его форме. Связанное с телом сознание не возвышается до этого элемента; более того, оно погружается в телесные процессы. Человеческая божественность могла быть "переживанием" вне тела. Это не было переживание в нашем ощущении: наше переживание, в связанном с телом сознании, одновременно знает про себя, знает о своем знании, даже тогда, когда человек задает вопрос.

Когда сознание не поддерживается телом, то последнее становится свободным от разрушающего влияния сознания и в это же время работают восстанавливающие процессы, протекающие даже во сне. И именно в таком сознании, которое не полагается на тело, может начаться "познавание" тела: наиболее непознанная часть

мира. Это означает то, что повседневное, предметное сознание, познавая, всё глубже опускается в тело - которое касается только поверхности, не познавая её - слегка оставляя следы познавательных процессов в мозге и нервной системе.

"И ЛОГОС стал плотью ..."

Божественность, хранящаяся внутри человека, является его познающим существом. Оно есть обитатель небес, провидец, который живет в человеке, но пока ещё не живущий в теле: небесный человек, отождествляющий себя с телом, в котором он спит. Это тот, кто покоится, спит в сознании, во сне, в смерти. Это представляет высшую тройственность человека, его возможность к становлению "Я" внутри чувственности - его самочувствованию, внутри "жизни" - его жизне-процессов, и в физической природе тела, где он ещё не "Я", где он ещё спит. Сегодня человек может сказать "Я" самому себе в отраженном мире мыслей; он не контролирует свою чувственность, свою жизнь и физическую природу.

Небесный элемент - это БОГ в человеке: никто никогда не видел Бога прежде потому, что ОН не являлся во плоти. Единородный СЫН сделал ЕГО видимым - "**ОН явил ЕГО**" (Иоанн 1:18). Единородный **СЫН, ЛОГОС, Свет**, который освещает человеку всё: Он есть БОГ "знания", архетип познающей Божественности, затаенной в человеке: Свет Миру, **Я-ЕСМЬ**. Возможность **Света**, возможность **Я-ЕСМЬ** не порождается человеческим сознанием: источник этих возможностей - **ЛОГОС**.

Учение Евангелиста Иоанна свидетельствует о полном погружении этого Божественного элемента в тело. "**И ЛОГОС стал плотью и обитал с нами, полный благодати и истины и мы видели Славу Его**" (Иоанн 1:14). Любые новые способности возникают в человеке через Божество, воплощенное в нем.

Сегодня задача состоит в том, чтобы развить возможности **Света**, чтобы Свет познал самого себя в человеке, замкнуть прерванный круг таким образом, чтобы новые способности "начинания" могли быть рождены в человеке. Природа **ЛОГОСА**: быть в исконном начинании.

Что-то происходит с человеческим телом в чувстве "становления плотью" (Иоанн 1:14). "Детями Божьими" были те, кто пережил скрытое в человеке Божество, независимо от телесного сознания. Из Него они родились; в Нём были их корни; не от крови, не от хотения плоти, не от хотения мужского (Адамова сына) в человеческом - но от Бога. **ЛОГОС** стал "плотью" в то время, когда дети Божьи не имели возможности "быть той плотью". Иоанн пишет о Нём: "**...ЧТО мы слышали, ЧТО видели своими глазами, ЧТО рассматривали, ЧТО осязали руки наши...**" (I Иоанн 1:1). Это является наиболее существенной частью обучения: "**Кто лжец, если не тот, кто отвергает, что Иисус есть Христос?**" (I Иоанн 2:22). "**Духа Божия и духа заблуждения узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога; А всякий дух, кто не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста...**" (I Иоанн 4:2,3).

То, что Божество входит в человеческое тело, что это воплощение происходит в невзрачной деревушке, далеко от мест, где вершится мировая история, что Божество, живущее в теле, пренебрегает знатоками, учеными, священниками и знатю, а общается с бедными, больными и грешниками и в конце, пройдя через самую позорную смерть, Он берёт самые трудные и горькие моменты человеческой судьбы на Себя: такое "обучение" не могло произойти из имажинации людей того времени; фактически это полностью противоречит всем человеческим понятиям, основному взгляду, мнению людей развитых и высокообразованных. Это было "досадой", "глупостью". Это особенно противоречило взгляду тех, кто ожидал и предвкушал схождение **ЛОГОСА** на Землю, как, например: Савл, фарисеи и знатоки. Даже многие из гностических сект, которые называли себя Христианскими, отвергали этот аспект в учении Святого Иоанна.

"Я-ЕСМЬ - Я есть Свет Миру"

Мир постепенно становится "внутренней" жизнью, ментальной картиной, мышлением, но человек не замечает этого. Он верит, что имеет дело с реальностью, хотя реальностью может быть только лишь Духовное видение. На этом пути он достигает ложной идеи "познания", независимой от "провозглашения" - так называемой "реальности". Это ложное понимание влияет на человека также, как и любая мысль, которую он усваивает, не имея возможности продумывать её. Если мышление искренно и правдиво, то есть содержит само себя, то мысль "внешнего мира" неправдоподобна, немислима. Это магическая сила "внешнего мира": она притягивает волю в желаниях и вожделениях; результатом является привязанность. Но именно то, что разворачивается как внутренняя жизнь, становится мыслью, содержанием сознания и одновременно с этим становится внешним миром.

В восприятии и познании "Я" формирует себя в соответствии с миром, в имитационном жесте. Этот мир является результатом "Я"-познания. "Я" становится другим, Миром: оба есть одно, они вступают в Бытие одновременно. Стадиями архетипного опыта являются: реализация Бытия и восприятие этой реализации - Свет - т.е. Бытие есть **Свет**. Бытие и Свет даны только в **Я-ЕСМЬ**. Здесь мир и Я-есть - Бытие - это есть опыт: **Свет - Я-ЕСМЬ**.

Быть перед этим в благоговении, в трепете означает начало пути к независимому, самодостаточному возвращению к основному источнику, к нераздельному, цельному существованию, где за исключением **Света** не будет необходимости в другом источнике. Эта независимость заключается в созерцающем характере данного переживания.

Воспринятое влачит жалкое существование для "Я". Воспринятый мир есть результат восприятия и этот результат существует для "Я". В "Я" находится воспринимаемый мир, в который он трансформировал самого себя. "Я" есть воспринимаемый мир. Этот мир есть "Я"-мир. В "Я" присутствует образ другого человека; **"ТАТ ТВАМ АСИ"** - "Ты это я", другой является носителем моего "Я": в нем "Я" могу полностью преобразить себя. "Я" невидимо, так как оно провидец.

Основное условие для видения - это отождествление, не наложение, не перекрывание, не двойственность, не различие, хотя именно на этом пути человек становится на начальную стадию знаний о видении. "Я" может быть пережито одновременно с миром: в его жесте открывания, самоотдачи и в преодолении внутренних препятствий, которые стоят на пути этих жестов. "Я" также может быть пережито в человеческом деянии, где оно участвует и сопровождается активностью. Воля-активность есть также воспринимание, возможно ожидающее воспринимание: основное начинание. "Я" живет в воспринимании и в волеии. Для "Я" тело есть часть мира - объект. Для того, чтобы осознать это, необходимо тело.

Мир и "Я": это одно переживание, один опыт.

Мышление и его содержание: также одно переживание, один опыт.

Чувствование другого, любовь: ещё одно переживание, ещё один опыт. Факт, что "Я" переживаю это (имею опыт этого), это то, где обнаруживается "Я".

Я-ЕСМЬ - Свет Миру: это фундаментальное учение, оно было во все времена основой существования - если кто-то и пытается выразиться современными терминами, то делает это косвенно, приблизительно. В дохристианские времена это учение могло быть получено через видение, оставляя позади Землю и тело - в одном опыте, в одном переживании. Само видение было учением, видением Того, Кто есть **Я-ЕСМЬ**, Кто есть **Свет**. Его видение было **Светом**: то, что они увидели Его, что Он увидел их, и оба эти действия были **одно**: видение "лицом к лицу", знание "как меня знают". Двойственность такого учения невозможна, иначе это было бы расплатой, потерей "границ". Сегодня это возможно во "внутреннем" видении, медитации; это есть истинный итог первоначального древнего обучения, которое жило в видении. Последняя глава обучения, его последняя форма - "**И Он стал плотью**". Когда возможность "взойти в **Свет**" становится ограниченной и окончательно упущенной для человечества, это обучение - в форме видения - становится возможным только на Земле, в мире чувств: человек должен увидеть путь обучения. Следовательно было необходимо, что "**Он стал плотью**". Непрерывность и целостность основного обучения была спасена.

Воплощение **ЛОГОСА** дало человечеству возможность воспринимать **Свет**: до уровня, где человек становится "**СЛОВОМ**" и может видеть **Свет** как внутри себя, так и везде. Таким образом сегодня основной путь обучения возможен в форме **Свето-опыта**, **Свето-переживания**, которое недуалистично и является одним опытом, одним переживанием.

Без отражения

Тот, кто видит все - включая самого себя - в отражении, тот ничего не может знать о видении. Он будет рассматривать отраженный образ провидца как самого себя. Пока отражение не повреждено, а является цельным и совершенным, он не в состоянии познать это. Он может заметить отражение только когда оно повреждено, а затем понять, что видение изменилось. Это позволяет прийти к следующим заключениям: отражение является причиной и вызывает видение или

изменения в видении, вызванные "поврежденным" отражением; а также повреждение самого себя [т.е. отраженного] замечены и увидены кем-то. Он тот, кто видит это видение независимо от отражения, иначе он ничего не увидел бы и не заметил бы.

Когда человек понимает зависимость познавательных процессов от своего тела, он может проснуться сквозь свет, который не зависит от тела и познать истинную роль тела. Это может стать поворотной точкой в историческом развитии истинного "Я"-сознания, не допускающим то "Я"-сознание, которое вызвано телом. Понимание этого факта является существенным шагом в работе над "Я"-сознанием по направлению к становлению истинного человека.

Тот, кто видит мир в отражении - в котором видит также самого себя - тот не может воспринимать **Свет**, для него **Свет** до и после отражения, там, где провидец и там, где мир: предшествует отражению и отраженным образам. Тот, кто замечает отражение, тот воспринимает также и провидца. Он тот, кто обнаруживает отражение, провидца и находит **Свет** - вне отражения. Даже отражение он может видеть через **Свет**. Он приходит к опыту, к переживанию - Мир есть **Свет**.

Тот, кто видит **Свет** - живет в нём. Нет мёртвого **Света**, нет окаменевших лучей. Кто живет в **Свете** - живет в **Жизни**. Он никогда не **есть**, он всегда **становится**. Он живет в истинном **Бытии**, которое **становится**: он создает реальность человека - в **Свете**. Человек понимает самого себя: он становится настоящим, существующим. Тот, кто есть настоящий, видит без отражения, не частями, но в целом, в единстве. Вначале есть единство, потом оно разделяется на контурные части, также как сначала музыка, потом тона, ноты, нотные знаки. Эти части могут быть прочитаны вместе, результат - единство, живая связь. Жизнь обнаруживает только живущий истинной жизнью. Линия, черта, штрих в лице - в видении линии прекращают быть линиями, формируют сами себя в лицо - человек видит "лицом к лицу". В узнавании лица - что оно лицо - высшая ступень безупречной радости: улыбка познания появляется на лице.

Непреходящее тело

Ошибкой было "непознаваемое" отождествление с телом. Для "Я" являлось необходимо-мостью иметь неподвижный "якорь". Только в непознаваемой идентификации с телом человек смог развить способность познания в мире. Отождествление сделало тело видимым: его форма, невидимая до сих пор, разломилась на части и эти части - которые достаточно поддерживали живую форму, чтобы она сохраняла "качества" - обновились в остатке формы: таким путём тело становится минеральным и смертным.

В познании - без отражения - человек не может полагаться на тело, самое большее, он касается его. Непознаваемое отождествление, затрагивающее тело, уже более не является необходимым. Человек усвоил урок неподвижности в теле; сейчас он может сохранять себя неподвижным даже без инерции минеральности. Теперь может начаться подлинная идентификация с телом, в его познаваемом

проникновении и освобождении от связей с минеральностью, восстановление чистоты и невидимой светонесущей формы. Это является целью смерти в человеческом существовании: вновь и вновь человек освобождается от минерального тела и это будет продолжаться до тех пор, пока у него не появится возможность делать это самому.

Он сможет сделать это как только "Я" станет подвижным внутри самого себя, способным к любой метаморфозе; этому в значительной степени препятствует минеральное тело.

Кто не нуждается в поддержке безжизненного в познании, тот может жить в "Жизни" и не просто ценой безжизненного. Тот, кто живет в "Жизни", не только как паразит в могиле безжизненности, тот не умирает, он лишь видоизменяется, преобразуется. Кто не умирает, тот не нуждается в безжизненной части, ему лишь необходима возрожденная форма тела: живущее и чувствующее тело, необходимое для познания. Даже в минеральном элементе форма тела есть то, где заканчивается минеральность. На форму тела оказывает влияние Бытие, наполненное минеральностью, без которого тело было бы другим, не таким. Тело вновь приобретает свою чистую, вечную и целостную форму тогда, когда минерализация сдается: когда человек освобождает её.

Если тело уже минерализовалось, то освобождение может быть осуществлено только через смерть. В смерти человек освобождает минеральность обычно бессознательно и чаще всего - с неохотой. Он ничего не удерживает в теле, только лишь память-образы в своей структуре. Когда познавательное сознание простилось с "ошибочным путем", оно пронизывает тело познанием вплоть до костей, проносит чистую прозрачную "форму" тела сквозь смерть и "воскрешает".

Отражение было искажено из-за его ошибочного использования. Человек способен постепенно возрождать целостность отражения; у него появляется способность видеть без отражения, "лицом к лицу". В конце он сможет "воспринимать" отражение и его ставшую ненужным непроницаемую часть, темную отражающую поверхность.

"Не всякая плоть такая же плоть; но иная плоть у человеков, иная плоть у скотов, иная у рыб, иная у птиц.

Есть тела небесные и тела земные: но иная слава небесных, иная земных.

...Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении".

(I Кор. 15:39...)

МИХАЭЛЬ - ДУХ ВРЕМЕНИ

Для современного человека имя не имеет большого значения: тот факт, что кого-то зовут "Кузнецовым" или "Мельниковым" не означает, что они имеют отношение к железу или муке - как это было в прошлом. Только иногда имена работают на их носителей, на тех, кто смог приспособиться к своему имени. Лоуренс Штерн

отметил это в своей странной новелле "Тристам Шенди". То, что слово, которым называют человека, смогло отделить его самого от его сущности, вызвано эволюцией познания в направлении номинализма. Данное развитие смогло произойти потому, что человек является духовным существом с природным телом, т.е. с индивидуальным телом, которое появляется в чувственно-воспринимающем мире. Так как способность духовного восприятия исчезло, то тело может быть воспринято и названо независимо от его внутренней сущности.

Когда после смерти человек оставляет позади земную часть своего существа, он входит в состояние существования, близкое к Иерархическому Бытию: в нём нет больше отделённого от его существа постоянства, как это бывает на Земле. В Духовном Мире человек есть только Бытие, это значит, что: **СЛОВО**, имя идентично "деланию", его "задаче", его "трансформации"; это всё - не отвечающие требованию, неадекватные земные слова, за которыми, через медитации, можно обнаружить их истинное значение. По этому поводу Рудольф Штайнер сказал (I):

*"Попытайтесь представить, **ЧТО** выражает человек, **ЧТО** лётся в скоротечно-текущем слове (это являлось бы "самодостаточным" человеческим бытием, его существованием и в тоже время его откровением) и тогда вы найдете путь, на котором человеческие существа встречаются друг друга между смертью и новым рождением, характеризуют собственное Бытие и открывают сами себя. **СЛОВО** встречает другое **СЛОВО**, ясное **СЛОВО** неожиданно сталкивается с другим ясным **СЛОВОМ**, внутренне ожившее **СЛОВО** встречается с таким же внутренне ожившим **СЛОВОМ**. Человеческие существа сами по себе являются словами и их совместное звучание есть симфония ясного **СЛОВО-Бытия**. В этой сфере человеческие существа живут вместе, без непрозрачности; они истинно живут друг с другом и одно **СЛОВО**, которое есть одно человеческое существо, соединяется с другим **СЛОВОМ**, другим человеческим существом. Здесь формируются кармические связи, которые продолжают действовать на Земле в следующей жизни; они демонстрируют сами себя таким образом, что человеческие существа чувствуют симпатию или антипатию, как это и происходило, когда они встречались друг с другом. В этом чувстве находится отражение, отблеск пути, на котором человеческие существа обращаются к самим себе в Духовном Мире, в середине между смертью и новым рождением. Это есть то, как мы говорим с другими; мы, которые сами являемся речью, как сейчас находим сами себя на Земле, в теновом отражении этого чувства".*

Как человек в Духовном Мире после смерти, так и ангельские существа ничего не имеют, кроме их сущности, ничего, что могло бы иметь имя, быть названо. Они есть Бытие, в продолжении всего времени, во всех отношениях **СЛОВО**, целиком имя, ничего не означающее, кроме как исключительно их Бытия, отождествленного с их задачей и миссией; их "**СЛОВО-выражение**", когда они являются перед человеческим взором. Таким образом Габриэль является идентичным "**Его СЛОВАМ**" к Деве Марии в сцене Благовещения, **СЛОВАМИ**, которые становятся человеческими словами в интуиции Девы Марии: Он есть эта интуиция, Его

цельно-полное Бытие является посланием.

Мы должны серьёзно принимать имена Ангелов и Архангелов - если бы только мы имели возможность понимать их! Слова потеряли их подлинное и главное значение; только в медитации человек может иногда войти в их внутреннее пространство, в их святая святых: мгновенный проблеск понимания. Габриэль - Бог-Герой; Рафаэль - Бог Здоровья; Уриэль - Бог Света; Самаэль - Бог Слуха; Орифиэль - Свет из Божественных Уст; Анаэль - Божественная Сила.

Кто осмелится заглянуть за звучание **СЛОВА**, которое сквозь ослепительную поверхность строго поворачивает назад не имеющих опыта? Возникает вопрос: Имя Духа Времени - Михаэль - кто Он как Бог? Он является Божеством, которое несет вопрос в имени. Сегодня это имя кажется очень близким к человеческому существу, как в форме его вопроса, так и в его значении.

В сравнении с "утверждением", вопрос означает: поиск, проницаемость, движение по пути - всё это в имени Михаэля, а также в имени Бога. Это вечный поиск, направленный к высочайшей цели. Человек может избежать человеческого вопроса, за исключением одного: **ЧТО** есть **Бытие**, такое могущественное **Бытие**. Того, кто задает этот вопрос, подталкивают к нему Архангелы и Архаи: "Подвергни сомнению самого себя! Познай самого себя!". Следовательно название существа, это имя-существо является само по себе оружием его "носителя" - опять простое человеческое выражение несоответствующее Архангелу - против двух враждебных сил, его заклятых врагов. Оружие - копьё или меч - Он носит только лишь в человеческом облике, даже в имажинации. Эти образы показывают как неземно, сверхестественно Он использует это оружие. Его взгляд никогда не направлен на врага или на оружие, тем не менее Он поражает с уверенностью, потому, что сконцентрированный, вопрошающе-испытывающий взгляд Михаэля и есть Его истинное оружие; Он сам есть этот вопрос, которого никто не может избежать. Таким образом надменный, высокомерный дух, который возомнил себя Богом, падает с небес, пронзенный этим вопросом: вскрывается его тщеславие и его маскировка. Против этого духа лжи вопрос Михаэля действует иначе, так как он домогается **СЛОВА**, **ЛОГОСА**, **СЛОВА**, которое злоупотреблялось во лжи. Для этого существует **ЛОГОС**, что и есть **БОГ** - "**И Богом было СЛОВО**" (Иоанн 1:1), таким образом **ЛОГОС** это **БОГ**. Это есть ответ на вопрос Михаэля: Его глубокая связь с **ЛОГОСОМ**. Ответ заставляет низвергнуться с Небес самого тёмного врага, который "состоит" из злоупотреблённого **СЛОВА**. Это - победа Михаэля...

"Над тем, что не является безмолвным в безмолвии

Над насмехающимся дьяволом

Преодолевая самого себя без следа

Было **СЛОВО** явлено ему" (2).

В имени - которое является вопросом - Дух Времени описывает действительно необходимый для человека движение души. И никогда этот жест не был так крайне необходим и в тоже время возможен, как сегодня. После периода чистоты, невинности, когда древняя первоначальная мудрость была выдана в форме, в

которой полностью отсутствует вопрос, последовал период сомнений - период, когда вопрос означает поиск выхода из положения. Таким образом:

"Те, которые обращались с вопросом к Святому Граалю, хотели, чтобы это зазвучало как пробуждение свободы в мрачной душе человека. Они не хотели обрести свободу обманом или другими подобными способами. Человек задавал вопросы. Он обращался из глубины своего душевного бытия к чуду Грааля".(3)

*Но ученики Грааля получили особое указание о том, **что** они должны были просить. В эволюции человечества настало время, когда человек не мог прийти к индивидуальному опыту, переживанию, если он не задавал вопросов и оставался пассивным, а также не искал внутри самого себя импульса истины".(4)*

За словами "БОГ мёртв" имеется опыт, переживание того, что БОГ сейчас безмолвствует: без содействия - вопрошания - какой-то части человечества, Божество более не является источником. Человек должен начать просить, искать, стучаться: **"Просите, и дано будет вам; ищите и найдёте; стучите и отворят вам"**. (Матфей 7:7). Дух Времени, Михаэль - Божество - ожидает от человека первого шага, его начинания, только тогда он может предложить помощь.

Управляющий Космической Интеллигенцией - как он описан Р. Штайнером в посланиях Михаэля - является "Силой, из которой вытекают мысли вещей, смысл всего сотворенного".(5) Это относится к природным, не рукотворным вещам. Сегодня человеческое сознание не схватывает идеи природного феномена потому, что слово-язык не в состоянии выразить их в целом, в абсолюте. "Мысли" природных предметов, их истинные имена, "глаголят" древним беззвучным первоначальным языком, языком творения. Каждое имя в человеческом языке содержит лишь часть древнего, первоначального **СЛОВА**.

Космическая Интеллигенция живёт над всеми языками, которые принимают участие в этом **СЛОВЕ**. Это объясняет, почему Дух Времени стоит выше любого языка и любого народа.

"Михаэль строго отказывает всему, что находится в разделении, например, человеческие языки. До тех пор, пока человек облакает свои открытия в язык(слова), не поднимая их в своё мышление, он не может приблизиться к Михаэлю. Фактически, сегодня в этой области мы имеем самую могущественную Духовную битву; для большей части человечества мысли это нечто несущественное потому, что люди думают словами. Но мышление в словах не является дорогой, ведущей к Михаэлю. Михаэль приближает к себе человека, достигшего истинного внутреннего переживания Духа, не зависящего от слов. Это является тайной современного Посвящения: преодолеть слова, чтобы достичь переживания Духа. Это никак не нарушает переживания красоты языка. Если человек более не мыслит словами, он начинает переживать язык, который вытекает, как бы струится из него как элемент чувственности и начинает течь внутри него"(6).

На этом бессловесном пути дух Времени направляет человеческое усилие вверх, над языками, в направлении созидания "бессловесного СЛОВА"(7). Относительно словесного языка "бессловесное СЛОВО" может быть найдено в направлении, противоположном абстрактному мышлению, которое отделило себя от языка. Из этой бессловесной сферы - на самом деле, более "Словесной" -противники были низвержены на "землю", в область каждодневного сознания. Человека могло привести в замешательство это деяние: можно ли допустить, что человек в своей слабости сможет бороться с силами, которые должны быть преодолены кем-то, кто подобен Михаэлю? Тем не менее, проницательность должна была проявиться здесь таким образом, что на Земле мощь противников может раскрыться только лишь через силы, которые человек похитил сам у себя, через высшие творческие силы человека, которые не были использованы и даже мельком не были увидены, заботливо не взращивались, не лелеялись и не развивались. Если человек осознает этот факт, то он в свободе встанет на путь обучения и через этот первый шаг, возвышаясь, обнаружит первые небеса имажинативной сферы, очищенной и освобожденной от врагов Михаэлем: на этих небесах он может получить указания от Духа Времени и уже практически очищенный, соединит свои силы с импульсом Михаэля. Укрепленный таким образом человек может нейтрализовать вражеские силы "на Земле", отзывая у них назад свои собственные силы. Это и есть цель падения Духов Тьмы, в интересах **стремящегося вверх человеческого существа**.

В сознании, в котором живёт человек, он может переходить от понятия к понятию, от мысли к мысли, от слова к слову. Это означает, что он имеет в своём распоряжении, в свободной и всё ещё неструктурированной форме, то, что уже приняло очертание в единичных понятиях, мыслях и словах. Если последние изобразить и представить как сосуды, например, вазы, стаканы, кувшины, тогда человек имеет возможность лить, вливать, переливать его свободно-текущий интеллект "в" и "из" сосудов-форм.

Но является ли это действительно его интеллектом? Он, с его разбуженным сознанием, не сопровождает эти процессы к точке назначения, где текучая среда - всё ещё бесформенная - погружает саму себя в формы. Его сознание пробуждается тогда, когда интеллект сформулировал себя в идею, мысли чётко выразились через слова: предшествующий момент остаётся сверх-сознательным. Это та самая точка перехода, где в мышлении телесные органы или же отражение затронуты и захвачены чистым мышлением; происходит неуловимая магия, когда, помыслено что-то новое. Далее живая сила мышления гомеопатическим образом уничтожает структуры, которые она обнаруживает в мозге, направляя в другое русло биологическую жизнь мозга.(8)

Это является точкой, где лишённая носителя форма, не вписанная в субстанцию, чистая констелляция - человеку следует называть это "чистой информацией" - получает носителя и субстанцию. В некоторой точке каждая печатная форма переходит из чисто Духовного живописного существования в медь, золото или любую другую субстанцию.

Чистая бессловесная форма идеи и предшествующий прилив животекущего разума обычно остаётся сверхсознательным. До сих пор это находится в руках Михаэля - Он управляет Космическим Разумом, передавая его человеческому

существу. В ранние эпохи идеи формировались Духом Времени и передавались избранным через инспирацию, а те, в свою очередь, связывали эти идеи с остальным человечеством. Созревшее человечество должно уже само формировать идеи - в принципе каждый избран для получения инспирации через свою собственную работу - для восхождения вверх (так как инспирация более не спускается к Земному сознанию).

Момент, когда живой интеллект принимает форму и переходит от управления Духа Времени под ответственность человека, не наблюдаем. Именно это является задачей человека - он должен иметь возможность сознательно сопровождать этот переход, что происходит очень редко. Также ненаблюдаемым является момент, когда интеллект может быть развернут и искажен вражескими силами и через подсознательную инспирацию сформирован в враждебные и вредные для человека идеи, что происходит очень часто. На сегодняшний день задача человека - иметь возможность получить интеллект как **Свет мысли** прежде, чем он станет мыслью: это переходит из рук Михаэля в руки человека и сопровождается его собственным сознанием. Именно так мы должны понять безмолвное ожидание - космическую подготовку Михаэлем космоса для Духовного устремления человека. Искреннее желание сделать человека свободным является мощным спиритуальным жестом: молчаливое ожидание приглашения к действию для собственного человеческого начинания.

Если неожиданно появившаяся идея в человеческом сознании обеспечивается неискаженным продолжением живого Космического Разума - человек встречается с ней до того, пока не достигнет точки назначения и только потом появляется основа идеи и приходят в резонанс ее чувствование и воление. Это приводит провидца к "Размышлению сердца". Если человек начинает смотреть на феномены природы ни как на вещи без смысла и значения, скрытого позади их самих, то тогда он рассматривает их как символы, которые должны быть прочитаны; это является началом уничтожения и трансформации ощущения действительности - которое обычно сопровождает акт восприятия - в "чтении" и познании Чувствования и Воления. Это является началом новой эпохи в истории Земли.

РАЗМЫШЛЕНИЯ СЕРДЦА

Возможность Свободы

Понятие - как таковое - связано с уже прошедшим планом, когда что-то уже помышлено; это впечатление поддерживается появлением символов языка [*т.е. тем, что облекается в слова*]. Но жизнь понятий - новое мышление - всё больше состоит в их метаморфозах, в переходах между ними, обособленности от мира символов, в бессловесном мышлении, находящимся над языком. Фактически именно эта обособленность смогла дать нам возможность свободно использовать мир знаков в художественно-творческом выражении - исследование значения вместо их утилитарного применения - и с тех пор бессловесное понимание

учитывает художественное применение языка, который более уже не используется только лишь для передачи информации. Слова Апостола Павла:

"Потому, отныне мы никого не знаем по плоти; если же и знали ХРИСТА по плоти, то ныне уже не знаем". (2 Кор. 5:16)

"Нет Бытия в теле" - новое созидание, "Бытие во **ХРИСТЕ**". Ориентация жизни, связанная с Духовным в человеке, есть интеграция **СЛОВА, ЛОГОС-НОСИТЕЛЯ** в одно целое, в результате чего Его внешнее появление уже не является необходимостью.

Здесь начинается Эпоха Духа, объединение в одно целое бессловесных, бессимвольных знаков **ЛОГОС-СИЛЫ** над языками - Эпоха Пятидесятницы (Троицы).

Человек может формулировать свои мысли или себя в мыслях потому, что это мышление - внутреннее **СЛОВО** - освободило себя от своего учителя: языка. Он также может свободно двигать своим мышлением в определенном пространстве или двигаться внутри мышления как процесса и время от времени достигать успеха - в ограниченном пространстве этих возможностей - через интуицию новых понятий: это есть высшая, более важная и значительная способность, через которую возможно четкое артикулирование мышления. Мышление означает импровизацию, если это истинное мышление: никто не знает, **ЧТО** он подумает в следующий момент; чем более мышление сконцентрировано, тем больше это есть "вновь и вновь созидание". Концентрация означает импровизацию потому, что в импровизации мышление движется в соответствии со своей природой: внимание не имеет возможности искать типичные образы, модели в прошлом.

Импровизированное новое мышление ведётся и ориентируется чувством очевидности. Сегодня это является высшей основой мышления поверх уровня сознания. И это сверхсознательное чувство на границе сознания делает возможной человеческую свободу, свободу, основанную на мышлении: если мышление человека свободно, то свободны и его поступки. В мышлении человек импровизирует, он активен и свободен; любая другая активность имеет источник в мышлении, свободно служит ему, иначе оно направлено сверху вниз - от сверхсознания к подсознанию. В первую очередь мышление дает возможность сознательного перехода в сферу сверхсознательного, туда где находится его источник.

Вне мышления жизнь души пассивна. Ранее человек был пассивен также и в своем мышлении, оно было дано ему; "это была мысль внутри него", таким образом его жизнь чувств и воли - связанная с миром идей и ведомая идеями - также была дана ему. "Данное" **СЛОВО** первоначально было единством воления, чувствования и мышления. Постепенному освобождению мышления от языка предшествовало отделение воления в индивидуальную волю, а впоследствии чувства - в самочувствование. Только лишь мышление остается в распоряжении человека. Через обособленность от идеального мира жизнь чувств стала, с одной стороны, непознаваемой, хаотичной; с другой стороны, человек "одержим" чувствами, они овладевают им. В чувствах человек не может четко выразиться или импровизировать так, как он это делает в мышлении. Это четко сформированное

свободное расположение чувств должно быть "Размышлением сердца" в истинном чувстве - только, если кто-то понимает это выражение как реальность, как идею, а не как сентиментальную эмоциональную возбужденность. Вообще говоря, человек может рассматривать вспышки его чувственно-поз-наваемой артикуляции как "Размышление сердца", также как называет "интуицией" озарение, рождающееся в живом мышлении.

Сердце

У нас нет способности воли в чувствах. Чувство это пассивное переживание; в обмен на это в чувствах волят другие силы, мы не свободны в этой сфере. Когда нечто подобное происходит в жизни мышления, то диагностируется болезнь, например, невроз. Источником и внутренней нормой мышления является чувство очевидности; оно до сих пор даётся как чувство, но не с гарантией.

"Идея" это жест, движение понимания, которая призывает вперёд; она имеет чувствен-ный аспект над уровнем сознания потому, что активность чувствования есть жест, движение, так как его результат - замеченное чувствование - является процессом жестикулирования Бытия. Всё это очень дифференцировано: или мы пассивно движемся в чувстве или же мы в состоянии делать, двигаться и артикулировать. Аспект возможности "прочувствовать" удовлетворяет мир идей - это включает воспринимаемый мир - который не входит в сознание как Свет, а становится результатом, т.е. движущаяся сила трансформируется на низшем уровне: она становится "ощущением действительности" физически воспринимаемого мира.

В сегодняшней чувство-жизни, чувство-познание и чувство-самопереживание - эмоции - смешаны; и без сомнения преобладают эмоции. В эмоциях мы понимаем те части чувство-жизни, которые отделили себя от жизни идей; чувство - как активность - мы называем познающим переживанием в чувстве. Оба вида чувств свободны от тела, как и мышление; в каждодневном сознании чувство-жизни нуждается в телесном носителе, как мышление нуждается в мозге. Телесным органом(I) для чувство-жизни является ритмическая система человека, состоящая из дыхания и циркуляции крови - в центре находится сердце.

Ритмическая система, находясь под влиянием чувств и эмоций, резонирует. Таким образом становится заметна определенная разница между дыханием и циркуляцией крови. Дыхание связывает ритмическую систему с внешним миром. Система циркуляции крови, как физическая система, замкнута в самой себе и единственно через дыхание - и только лишь химически - связывается с миром, неся своё собственное тепло в теплокровных организмах. Процесс дыхания более доступен сознательной воле чем циркуляция, в процесс которой человек может вмешаться только в исключительных случаях. Исходя из этого становится понятным, почему сердце считается центром эмоций в то время как дыхание - из-за его связи со **СЛОВОМ** - рассматривается и используется как подъёмная сила, средство для излечения и расширения сознания.

В Ветхом и Новом Завете о сердце по большей части, говорится в манере неприятия и человек, ищущий в Библии слово "сердце", с трудом найдёт положительные, позитивные высказывания.

"И увидел Господь, что велико развращение человеков на Земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время" (Бытие 6:5).

"...не буду больше проклинать Землю за человека потому, что мышление сердца человеческого зло от юности его ..." (Бытие 8:21).

"А исходящее из уст - из сердца исходит; сие оскверняет человека; ибо из сердца исходят злые помыслы, убийство, прелюбодеяние, любодеяние, кражи, лжесвидетельств-ва, хуления" (Матфей 15:18,19; Марк 7:20-22).

Крайне редко мы можем обнаружить что-либо прекрасное о человеческом сердце, например, цитата из послания к Ефесеям.

"...и просветил очи сердца вашего, дабы вы познали" (Ефесеям 1:18).

"...вложу закон Мой во внутренности их и на сердцах их напишу его" (Иеремия 31:33).

Силы сердца, которые освободились от биологической функции - т.е. силы чувствительности, сошедшие с осязающего тела в сферу души - могут быть пойманы и сформированы Бытием и импульсами, которые противоречат свободе этих сил сердца; таким образом, они могут быть захвачены и удержаны из человеческого Бытия, и могут сформировать в себе подчеловеческую сферу. С одной стороны, это происходит потому, что они переживаются в сонно-подобном состоянии, где человек не может быть активен, с другой стороны, потому, что он теряет связь с миром идей, их духовным началом; это происходит с тех пор, как идеи переживаются в отражении, в пост-сознании, отраженного телом.

Человеческое "Я" четко выражает себя в тройственной структуре физического тела через свободную жизне-силу и чувствительность, которые опосредствуют и переносят этот импульс в соответственно сформированную структуру: физическое тело, эфирное тело и астральное тело. Система головы, ритмическая система, метаболическая и система конечностей по-разному устанавливают соотношения с этими свободными силами. Иначе это можно описать следующим образом: жизне-сила и чувствительность становятся свободными в головной системе; чувство-сила - свободной в ритмической системе; но, практически, никакие силы не свободны от третьей системы (метаболической и системы конечностей). "Я" может работать над "природными" телами посредством свободных сил, которые не зависят от их происхождения. Таким образом, с помощью свободной жизне-силы "Я" может работать над физической частью головной системы - мозгом; с помощью свободной чувство-силы - над эфирным телом ритмической системы; в то время, как свободное движение системы конечностей происходит посредством прямого влияния "Я" над астральным телом. Итак, в системе конечностей "воля" спит, она неосознанна; в мышлении, как мысле-воля, она отождествляется с самим мышлением, Светом и возможностью импровизации. Воля в мышлении не знает, чего она хочет, в противоположность системе конечностей, которая требует цели, данной как мысль или ментальная картина. Структура ритмической системы может

быть сравнима со сновидческим сознанием головной системы: свободная чувствосила затрагивает эфирное тело и там отражается.

Эфирную структуру ритмической системы можно рассматривать как носителя чувств. Следовательно, чувство переживается сновидчески-подобным образом до такой степени, что свободная чувствосила сгущается в под-человеческие формы; сердце является резонирующим телом для эмоций.

В эпоху души сознательной человек - впервые - может быть активно свободным только лишь тогда, когда его активность имеет поддержку и защиту в физическом теле, в его верхней границе по направлению к источнику сил, которые он использует. Это происходит в головной системе, в мышлении и в представлении; там "Я" достигает физического мозга посредством свободной жизне-силы и оставляет следы в центральной нервной системе, которая отделяет человека от внедрения в мир, подготавливая его к индивидуализации. Человек не может свободно артикулировать себя без физической основы, например, Бытие поддерживается единственно свободными эфирными силами: "Я"-Бытие ещё не совсем сильно и не достаточно независимо. Такая независимость на уровне жизни - имажинативной сферы - будет основой для вовлечения второстепенных эфирно-астральных образований в жизнь чувств и для свободной артикуляции чувствосилы она будет иметь живую "отражающую поверхность", необходимую для свободной и самосознающей активности: тончайшее и очень нежное тело, состоящее из свободных жизне-сил, независимо приобретенных через праксис [упражнения].

Переживание идей

Живое мышление означает приобщение к идеям, встречу с ними, оно не просто переживается в своём отражении физическим мозгом, но становится осознанным в живом эфирном отражении. Этот процесс наблюдаем в мышлении, где имеет место действительное понимание внутри течения мышления. Человек мог также сказать: это действительное мышление, не ассоциирующееся с мысле-картинами или механической связью мысле-элементов. Различие между каждодневным и имажинативным или инспиративным мышлением зависит от того, где или каким образом процессы мышления становятся сознательными в человеке.

Когда мысле-содержание входит в сознание посредством отражения мозговой органи-зацией, отражённый результат акта осознания отделяется от процесса понимания. Результатом является то, что понятие и идея не переживаются; поэтому они есть акт понимания "пониманий", следовательно эти процессы может переживать каждый, если попытается "продумывать", "помышлять" **чистую идею** в ходе простых упражнений на концентра-цию(2). С этих пор это является только результатом мышления, которое становится сознательным; наступает момент, когда мышление становится всё более и более неуверенным: поэтому ищутся внешние символы как "подтверждение" правильного мнения. Если процесс был пережит, то человек мог бы заметить, что там не возникает понимание и не

пребывают в нём, т.е. человек не может создавать цельные научные системы, опираясь на непроницаемые, иллюзорные понятия.

Переход от мышления к переживанию мышления является основным жестом сознания, когда оно поворачивается к Духовной Науке: это есть то, **КАК** это начинается(3). С чувством почитания этот процесс тщательно и детально описан в фундаментальных Духовно-Научных работах. Мы можем прочесть в "Мировоззрении Гёте"(4):

*"С одной стороны, мистики, описывая чистоту идей, обдумывают её поверхностно. У них нет даже намёка на то, что переживают люди, которые одарены способностью глубокого вхождения в живой мир идей. Они охлаждаются, когда отдаются миру идей. Они видят мировое содержание, которое излучает тепло. Но мировое содержание, которое они находят, не является толкованием и объяснением мира. Оно состоит из субъективных стимулов, из беспорядочных и запутанных представлений. Человек, который говорит о холодности мира идей, может только **продумывать** идеи, но не в состоянии **переживать** их. Но тот, кто живёт истинной жизнью мира идей, ощущает внутри себя Бытие в теплоте мировой работы, которое не может ни с чем сравниться. Он ощущает огонь Мировой Мистерии, которая светит внутри него".*

Человек должен был бы заметить различие между "субъективными стимулами" разума - которые непознаваемы - и теплотой, в которой "Бытие Мира" работает в каждом, кто "живет истинной жизнью мировых идей". Эта теплота затем перерождается в "Огонь Мировой Мистерии" и дает силу мышлению, чтобы пронизывать и "входить в феномен Мира". Об этом говорится в "Философии свободы" в дополнении к главе 8 издания 1918 г.(5):

*"Но кто сможет достигнуть того, что у него в **мышлении** поистине будет **жизнь**, тот поймет, что с внутренним богатством и с покоящимся на себе, но в тоже время и с подвижным в себе, **опытом** внутри этой жизни мыслей нельзя даже и сравнить пребывание в одних только чувствованиях или созерцание элемента воли, не говоря уж о том, чтобы ставить их выше. ...Мышление как никакая другая человеческая душевная деятельность позволяет легко впасть в заблуждение [относительно его теплоты - это имеется здесь в виду]. Воление, чувствование - они продолжают ещё согревать человеческую душу, даже при последующем переживании их первоначального состояния. Мышление слишком легко оставляет нас холодными при таком последующем переживании; оно как бы иссушает душевную жизнь, но это есть именно лишь могущественно сказывающаяся тень его, пронизанной светом, горячо погружающейся в мировые явления, действительности. Это погружение происходит с протекающей в самой мыслительной деятельности силой, которая - в духовном роде - есть сила любви. На это нельзя возражать, что, кто винит таким образом любовь в деятельном мышлении, тот вкладывает в него чувствование - любовь. Ибо это возражение есть на самом деле лишь подтверждение сказанного здесь. Кто обратится к **сущностному** мышлению, тот найдет в нем как чувствование, так и волю и притом эти*

последние - в глубинах их действительности. Кто отвергается от мышления и обращается к "одним только" чувствованию и волею, тот утрачивает и в них истинную действительность. Кто захочет в мышлении переживать интуитивно, тот отдаст должное также и переживанию элементов чувства и воли; мистика же чувства и метафизика воли не в состоянии отдавать должного интуитивно-мыслительному пронизыванию Бытия".

Мощь любви есть сила **ЛОГОСА**; это было пережито Гераклитом. Концепции идей показывают себя в отраженном пост-сознании через символы, которые воспринимаемы в ощущениях. Они проникают в мир имажинации, в живое, текущее мышление или понимание. В этой плоскости они также могут быть пережиты, но уже без чувственно-воспринимаемых символов, которые являются застывшими, не живыми; только понятия могут жить позади появляющегося **СЛОВА** - истинного мышления. Позади живых идей мы обнаруживаем чувство: чувство и "живое ощущение" идей. Впоследствии человек может разглядеть их волю: воление идей, которые постигаются через интуицию воли(1). Чувство есть любовь творческого **СЛОВА**, через которое содержание Мира входит в Бытие - любовь к тому, что пока не существует: но будет существовать. Эта любовь сокрыта в человеческом мышлении, которое структурируется **ЛОГОСОМ** как Мир. В обычном сознании она появляется как чувство очевидности, истинная реальность чувства и воления - инспирация и интуиция - из познающей природы, иерархического источника живых идей(1). Через неполноценность и тусклость этих идей, наши каждодневные концепции и идеи возникают хорошо знакомым нам способом.

Для некоторых мистиков было естественным стараться основывать познание на поз-нающем чувстве потому, что они полагались - атавистически - на раннюю душевную струк-туру человечества. Большинство было не в состоянии более находить дорогу от чувств к мышлению, поэтому переживание чувства не могло найти соответствующее, чистое выра-жение. Сегодня в структуре души современного человека всё более увеличивается дистанция между познающим чувством и его выражением, она не может быть сокращена, опираясь на чувства, а только лишь на мышление(7). Восстановление связи должно начаться с мышления: через переживание мышления в направлении инспиративной сферы.

Сегодня каждое человеческое существо стремится к этому "теплому", мистическому познанию прошлого потому, что мышление в той форме, в какой оно дано сегодня, является холодным и абстрактным. Кроме нескольких душевных жестов, где взаимодействие с идеальной жизнью возможно и закономерно, это стремление ведет к переживанию чувств, которые сопровождаются остатками холодного мышления; это все больше и больше будет приводить к хаосу душевную жизнь, если "теплота" не найдёт дорогу к мышлению.

Через переживание идеи к "Размышлению Сердца"

Переживание чувств могут быть величественными и возвышенными, но, если они не находят соответствующего им выражения, они соскальзывают в "охлаждении" - на уровень субъективных эмоций. Или же у человека переживания становятся безмолвными - как у Фомы Аквинского - для того, чтобы спасти эти переживания от Бытия, смешанного с дру-гими обыденными качествами.

В современном сознании мы имеем смесь познающего чувства с субъективными само-ощущающими чувствами. Эти две противоположные части, их конгломерация - загряз-няющая жизнь души - удерживается вместе в основном через "полувосприятия", которые проходят сквозь **СЛОВО**, потерявшее своё истинное значение в ходе эволюции сознания.

Очень важно для душевной жизни раздробить эту конгломерацию. Чистота начинается с истинного понимания жизни. Каждый человек может спросить самого себя, действительно ли понято **СЛОВО** или концепция, является ли оно актом познания, или предубеждением, привычным, непрозрачным образованием - темнотой внутри Света сознания? Понятия или слова, которые просто наполовину поняты или все ещё рудиментарны, являются инкубатором искаженных суждений чувства; каждый должен был бы заметить, что чистые математические концепции не соответствуют таким чувствам, или тому, что происходит со словами, которые используют в политике, религии или рекламе.

Растворению этой конгломерации содействует четкое разграничение познаваемых и само-ощущаемых чувств; этому предшествует дифференциация настоящих и "лицемерных" чувств. Только если лже-чувства - включая и позитивные - устраняются из душевной жизни, внутренняя работа может найти твердое основание.

Если кто-то идёт путем, ведущим от переживания идей к чувствам, он должен наблюдать - принимая во внимание душевно-духовные проблемы или явления - что он всегда работает с вновь и вновь обновляющимися понятиями и чувствами; потому, что в сфере, где "становление" является низшей формой существования, все законченные и запомнившиеся - большей частью действующие совместно - элементы должны рассматриваться как загрязнение, примесь. Преобладающий в таких элементах бессловесный характер показывает, что сознание живет в бессимвольном мире. Поэтому сфера, где Дух Времени разворачивает свои инспирации, расположена над языком(8).

Мистерия "Размышления Сердца" двойственна: все привычки, все прошлые элементы должны быть принесены в жертву; они могут продолжать жить как трансформированная свобода, импровизированные способности. Второе это то, что они должны быть принесены в жертву через чистое живое мышление, которое имеет свой источник в чувстве - в истинном и всегда интуитивном чувстве.

Большинство автоматических эмоций возникает без идей и без волевого внимания; они представляют собой тип чувств, присущий животному царству, хотя в основе своей не поддерживаются здоровым чувством Бытия - в противоположность животным инстинктам. В автоматическом процессе захватывается свободное чувственное внимание человеческого существа. Отказ - каким образом он происходит, не имеет значения - является жертвой потому, что

все так называемые спонтанные чувства болезненны и как правило, сопровождаются удовольствием: пассивностью, бездеятельностью. Эмоции, которые появляются в духовном одеянии, например, в виде сочувствия, власти, активности политических партий и сект, не являются исключением. Эмоции могут быть "принесены в жертву", если они освещены "мышлением", которое адекватно им. Это освещение, озарение - результат их жертвы; поэтому это так трудно и происходит крайне редко. Тот факт, что они принесены в жертву живому мышлению, имеет следующее значение: если бы не жертва, то это было бы жестом аскетизма, который на сегодняшний день очень редко бывает плодотворным. В тоже время это имеет цель вернуть эмоции в живое мышление, к их истокам: это есть тот вид чувства, посредством которого человек может войти в сферу своих эмоций и справиться с ними, может артикулировать самого себя и быть активным в этой сфере. Но границы сферы чувств достигаемы через живое мышление; обучение не начинается с чувства.

Чувство внимания было дано человеку, через падение оно стало самочувствием, пассивно переживающей эмоцией. Поэтому мышление стало абстрактным, но через науку оно было отделено от загрязнённой субъективной сферы эмоций. Путь сознания приводит от абстрактного мышления к чистому живому мышлению, позади которого - на высшем уровне - чувство внимания, которое достигнуто сознательно и может воскреснуть.

Как Божественное **СЛОВО** однажды в жизни Земли прошло через человека, через распятие к Воскрешению, также подобным путём может пойти солнечное чувство. Правильный путь был таков, что мышление направлялось и стимулировалось сверху, через чувство. Мышление было живым, имагинативным, жизненное тело служило зеркалом для сознания - живым зеркалом. Переживание мышления было сновидческим потому, что отражение не было проникнуто мышлением, не являлось результатом сознательной заботы. В сновидческом сознании содержание - которое переживается в течении сна - отражается и отображается жизненным телом, которого человек касается во время засыпания и пробуждения. Поэтому очень трудно быть сознательно активным во сне.

Если живое мышление переживается в светлом сознании, то оно не должно отражаться данным эфирным телом, но оболочкой и граничащей поверхностью, живой "сетевоболочкой", которая развивается из свободных жизне-сил, не служащих биологической форме, путём упражнения сознания(9). Для каждого самопереживания "Я" необходима граничащая поверхность, которая отделяет "Я" от других переживаний, оставаясь в тоже время прозрачной. Чем сильнее "Я", тем прозрачнее должна быть граница; на начальной стадии оно имеет свою границу в данной организации мозга.

Сегодня жизнь чувств смешанна и в ней доминируют непознаваемые чувства, поэтому мышление в первую очередь должно быть отделено от жизни чувств. Тогда возможно новое начинание в направлении познаваемого чувства в мышлении: сравнивая с архаическим сознанием - в направлении прямо противоположном - снизу вверх.

По причине прерывистости родного языка, внимание - основная сила

человеческой души - учиться творить понятийную структуру; таким образом оно становится мыслящим вниманием. Далее мышление освобождается от языка и становится абстрактным, независимым от языка мышлением. Сегодня это может быть развито в чистое живое мышление, которое - подобно абстрактному мышлению - в состоянии творить в текущем элементе, без необходимого присутствия прерывистых элементов, данных заранее, без проявленных символов.

Поскольку мышление поднимает свой уровень сознания, живое мышление достигает своего истока: чувство-внимания, чувство-познания. При наличии разрыва, внимание всегда становится беспредметным, бесцельным, т.е. восприимчивым и "пустым", импровизирующим; подобно сконцентрированному мышлению или мышлению-волею, которое не знает - и не может знать - что будет помыслено в следующее мгновение: внимание может артикулировать себя согласно последующему высшему элементу, с которым оно связано. Таким образом артикуляция постепенно реализовывается в чувстве - "Размышления Сердца". Это сокрыто в чистом мышлении: в абстрактном мышлении как чувство очевидности, а в живом - как то чувство в мышлении, через которое оно (живое мышление) становится подвижным, чувство, которое может трансформировать все эмоции.

Всё более и более увеличивающиеся частые вспышки высшего уровня сообщают, что человек в развитии своего сознания достигает новой высшей способности: мыслительных интуиции из имагинативного мышления, чувственных интуиции из "Размышления Сердца". То, что Гёте называл "фантазией", является побуждением из имагинативного представления (Имагинации) и созерцанием архетипа растения [*пра-растения*] при восприятии растений - это является вспышкой имагинативного восприятия.

"Высшие чувства это совсем не те чувства, которые, так сказать, прибывают "сами по себе", а те, которые достигаются активной работой мышления"(10).

Обоснованные [*разумом*] альтернативы чувства

Человеческий элемент прячется во всех спонтанных, непознанных эмоциях, через который они - в своей наивности и непосредственности - "прочувствуются" и познают себя как специфические эмоции, демонстрирующая сила которых околдована в немоте: она ничего не говорит, а заявляет о себе в воспринимаемом зове для понимания. Эмоции вздымаются против того, кто ощущает их как давление, удар, а не как **СЛОВО**. Если бы человек, который чувствует эмоции, встретил бы их с восприимчивым [*рецептивным*] мыслительным вниманием, он смог бы дополнить их тем, чего им недостаёт: соответствующей чувственной идеей. Из-за этого недостатка они стали некоммуникативными и неточными чувствами, которые тянут, толкают и давят вместо того, чтобы разговаривать с человеком. В этом немом толчке - побуждении - человек может обнаружить Живой Свет, исключаяющий его соучастие в этом толчке. Соучастие в этом Свете есть первоначальная, подлинная, чистая радость.

Поэтому человек может сказать, что в каждой эмоции чистая радость ждет, чтобы быть избавленной человеком от наивной завороченности(11). "Тёплая" сила, живущая в подлинном мышлении, позволяющая ему "проникнуть внутрь" мирового феномена, является беспредметным чувством. Она также может быть названа "чистым" чувством. В отречении от неё [*от предметности*] - в метаморфозах в немую эмоцию - это чувство зафиксировано. Поэтому каждая эмоция, которая подавляет нас, является вопросом, возможностью, вратами, которые могут открыться и повести нас к радости, поиску, вопрошанию - к воспринимающему чистому чувству.

Смысл боли заключается в том, что она извещает и требует изменений; когда боль не присутствует в ходе болезни, то болезнь не замечается или опаздывает. Это значит - во владениях души отсутствие боли является грехом, душа принимает то, что нехорошо; это было допущено как часть Эго.

Для структуры сознания, где чувства главным образом были чистыми, познаваемыми и восприимчивыми, было достаточно, что чувство предшествовало мышлению в жизни сознания. Сегодня это является неправильным жестом потому, что чувство жизни стало более непознаваемым. В позднем средневековье говорилось: "Credo ut intelligam" - Я верю, чтобы познать (erkennen*). Сегодня эта вера живет в сверхсознательном доверии к мышлению, даже если это мышление сомневается в своей собственной действительности и способности. Но чистое [*по-детски чистое*] чувство и его мутность, нечеткость более приспособленные наследники и имеют сегодня законное место: в искусстве, в религиозных переживаниях и в чистой [*по-детски чистой*] любви, которая является редкостью.

* erkennen - узнавать, познавать, сознавать(вину)(нем.)

Наиболее значительной характеристикой переживания искусства является то, что сознание там текуче и непрерываемо, как в обычном понимании; это есть настоящее сегодняшнее сознание, без повторения в отраженном "минувшем" сознании; "понимание" остается в пределах чувства. Искусство всегда связано с прочувствованием идеи - оно "говорит". Человек артикулирует - или артикулируется - в пределах чувств, не касаясь сферы мышления или живого мышления(11). То, что происходит с сознанием в чередующихся движениях - в почти неосознанных переходах - не достигает живого мышления, оно обходит его и становится восприятием, осознанием, которое артикулирует в системе конечностей. Там воля направляется чувством внимания, которое формируется различными группами ощущений, характерными для соответствующего искусства. Обычно эта воля спит, но сейчас она освещается на уровне сновидений, становится сновидчески чувственным. Система конечностей принимает структуру, похожую на ту, которую человек обычно находит только в ритмической системе(11). В тоже время структура головной системы уподобляется структуре ритмической системы: свободные жизне-силы более не принимают участия в физической организации сознания, чем обычно они занимаются в нормальном состоянии. Поэтому переживание происходит в плоскости жизни, в настоящем, как вид регресса, возвращение в прежнее состояние(11). Все люди становятся схожи с ритмической

системой, каковой является структура маленького ребенка.

В художественном переживании отражение происходит через члены человеческого существа - жизненное тело и тело ощущений - поэтому идейное содержание, как таковое, не становится осознанным. Способность творить означает, что в распоряжении имеется достаточно свободных сил, которые могут оставаться свободными и не свернуться в подсознании, правильнее было бы сказать: каждый человек обладает потенциалом, чтобы стать творцом; реализация этой возможности - уже другой вопрос.

В восприятии искусства мы имеем комбинированную деятельность: двигательной системы (как в восприятии слова), жизне-системы (как в восприятии понятий), и в целом человеческом образе (Gestalt) (как в восприятии "Я-Бытия" другого человека), но "восприятие" всегда остаётся в чувстве(12). "Серединные" *[исходя из трёхчленного человеческого существа]* ощущения поставляют "сырой материал" для процесса "чтения" (13). По причине того, что идеи остаются в пределах чувства, каждая мысленная интерпретация или "перевод" произведения искусства является неадекватным. Но из-за того, что искусство появляется в воспринимающей "серединной сфере" - как язык или письмо - то слишком велико искушение в такой интерпретации.

Резюме

Таким образом, мысль есть фиксация, если только не отрицается мышление; хорошо знакомые сформированные чувства, имеющие свое происхождение в подсознании, являются отрицанием чувства. Однако, мысли, концепции и идеи не детерминированы, в отличие от упомянутых чувств потому, что они не отвергают своего источника - мышления, которое может возродить, растворить и видоизменить их. По аналогии с идеями имеются прочувствованные идеи, как продолжение идей, созерцаемых в мышлении. Прочувствованные идеи являются - аналогично качественным ощущениям - менее "обособленными" и более всеобъемлющими, чем знакомые концепции, они структурируют сферу познаваемого чувства.

Аспекты ощущения, такие как цвета, тона, запахи и т. д. все ещё показывают значительное качество ощущения; восприятие ощущения также называется ощущением; это указывает на более главное, основное восприятие, которое имеется у ребенка, где чувства все ещё недифференцированы и беспонятны. Таким же образом родственные слова тоже имеют чувственный оттенок, например, слова "хотя" и "однако".

С тех пор, как идеи, которые постигаются в мышлении - они относятся или к внешне воспринимаемому или к внутреннему миру человека - имеют с трудом замеченное продолжение в чувствах, этот процесс, по сути дела, постепенно превращается в путь, ведущий к познающему чувству - к "Размышлению Сердца": через переживание идей, а не ограничиваясь только мышлением. Сопротивление человеческой души - пойти этим путем - показывает, что, фактически, человек

быстрее и легче склоняется к повторению старых жестов чувства, но это редко ведёт к чувству, которое познает.

"И просветил очи сердца нашего..." (Ефесеям 1:18) - так человек в его связи с Духом Времени находит помощь; Дух Времени ждет, чтобы человек всем своим существом "просил, искал и стучался", не навязывая это самому себе, а только лишь с внутренней правдивостью.

"Михаэль освобождает мысли из области головы; Он расчищает им путь к сердцу; Он освобождает воодушевление из сферы эмоций, так что человек с душевным воодушевлением, самоотверженно может жить во всем том, что позволяет приблизиться к себе в Свете мысли. Эпоха Михаэля началась. Сердца начинают мыслить; воодушевление изливает дальше не мистический мрак, но - несомую мыслями душевную ясность". "От того факта, что идеи человека не остаются только "мыслимыми", но становятся в мышлении "зримыми", зависит безмерно многое"(15).

О РАДОСТИ

Первоначальное единство воли, чувства, могущества идей природы, а также и языка, показывает, что основной мир чувства и воли даёт человеку только идеально детерминированные чувства, т.е. познаваемые, творческие чувства и воле-импульсы. Только такие чувства и воле-импульсы являются правильными, которым соответствуют идеи; сегодня это ни-коим образом не является случайностью. Позади потерянных сил мышления - которые открывают себя в ассоциациях и в механическом образе мышления - мы находим метаморфозы того, что пока немислимо, что в основном беспонятно. Таким образом, мы должны найти фундаментальные метаморфозы прочувствованных идей позади само-чувства - не-познаваемых, несвязанных "личных чувств".

Также, как и любое свойство Света, свойство Идеи и свойство Слова имеют первооснову в существе **ЛОГОСА**, также и другие свойства имеют основной источник там, откуда они вытекают в более или менее метаморфозированной форме. Когда мы ищем основное, главное чувство, то нашим лучшим путеводителем является Евангелие от Иоанна, где **ЛОГОС-БЫТИЕ** открывает Своё основное природное чувство: это чувство называется **радость** (греческое: ????, chara).

В сфере человеческого Бытия радость появляется в разнообразных оттенках и в различных обстоятельствах. Взрослый человек познаёт главным образом те радости, которые вызваны внешними или внутренними условиями, с их постепенным переходом на сознательный уровень наслаждения и удовольствия души и тела. Однако, ребёнок может переживать иную радость, которая появляется параллельно со способностью к речи. Речь начинается с неожиданной встречи, мимолётного взгляда между ребёнком и взрослым, что уже является уникальным опытом, в своём роде переживанием и остаётся таким в течение всей жизни: никакое другое существо не получает такого уровня видения, как взгляд в глаза

другого человека. Детали не видны и не замечаются - часто человек взглянув в глаза другого с трудом может вспомнить цвет его глаз потому, что человек является говорящим, глаголющим существом, которое говорит с нами сквозь мимолётный взор.

Следующая стадия в процессе обучения речи - обоюдная улыбка ребёнка и взрослого. Эта улыбка - символ, знак радости, она сама по себе радость: радость в знак начала диалога, соучастия взаимопонимания людей. В животном царстве человек не может обнаружить ни мимолётного взгляда, ни улыбки.

Ребёнок испытывает радость при переживании **СЛОВА-ЕСТЕСТВА**; вначале во взгляде и улыбке, затем в свойственных вообще человеку движениях, таких как активность, деятельность, чуть позже - в тысяче повторяющихся вопросах. Человек должен ответить на эти вопросы постоянным повторением первоначального ответа: поэтому не существует реальных вопросов - они приходят позднее - вопросы означают лишь начало диалога.

Во взрослой жизни человек находит радость в делании, в художественной активности, реже - в диалоге или ремёслах. Но во всех этих процессах элементом радости является **СЛОВО, ЛОГОС**.

"Человек свободен в той мере, в какой он в состоянии осуществить в своём волеии тот душевный строй, который живёт в нём, когда он сознаёт образование чисто идеальных (Духовных) интуиций"(1).

Этот жест души есть радость, вызванная процессом делания - но не результатом делания. Посредством радости, вызванной деланием, человек достигает её источника; этот источник является духовно переживаемым "Бытием", похожим на то, что всегда переживается как становление. Это объясняет слова Иоанна Богослова, где Прощающийся с Апостолами говорит о Своей радости:

"Сиё сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна". (Иоанн 15:11).

"Истинно, истинно говорю вам: вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет" (Иоанн 16:20).

"Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет от вас" (Иоанн 16:22).

"Доныне вы ничего не просили во имя Моё, просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна" (Иоанн 16:24).

"Ныне же к Тебе иду, и сиё говорю в мире, чтобы они имели в себе радость Мою совершенную" (Иоанн 17:13).

"И сиё пишем вам, чтобы радость ваша была совершенна" (I Иоанн 1:4).

"Полная" (греческое: ??????, pleres) радость, которая более не может быть отобрана, является основной радостью существования, она полностью может быть пережита независимо от земных условий, которые помечены печалью расставания. Об этом Шиллер пишет в своём произведении "Ода к Радости":

Радость, пламя не земное	Freude, schoener Goetterfunken,
Райский Дух, слетевший к нам,	Tochter aus Elysium
Опьянённые тобою,	Wir betreten feuertrunken
Мы вошли в твой светлый храм.	Himmlische, dein Heiligtum!

Бетховен творит, испытывая глубочайшее страдание души и жизни, без какой-либо земной причины для радости, девятую симфонию, которую в пении сопровождает Ода Шиллера.

Также идея "Благовещения" указывает на эту основную радость, как на качество духовного существования. Эта тема часто звучит в описаниях "Рая" Данте. Души людей называют **Летицией** т.е. "безмятежность" (радость или блаженство); эта безмятежность пронизывает совершенную сферу как спутник других существенно важных и неотъемлемых элементов **Света**.

"Другая радость, чьё величье было
 Мне ведомо, всплыла, озарена,
 Как лал, в который солнце луч вонзило.
 Вверху весельем яркость рождена, Как здесь улыбка..." (Рай IX. 67-70)
 "Мы вознеслись в чистейший свет небесный,
 Умопостижимый свет, где всё - любовь,
 Любовь к добру, дарящая отраду.
 Отраду слаще всех, пьянящих кровь". (Рай XXX. 39-42)

Последовательность Иерархических Существ, степень их радости соответствует силе их познания и мощи видения - созерцания:

"Мы видим, что блаженство возникает
 От зрения, не от любви; она
 Лишь спутницей его сопровождает". (Рай XXVIII. 109-111)

Эта основная радость может возникнуть в земной жизни как интуиция радости, которая сама по себе радость, также как все состояния чисто Духовной Жизни могут быть найдены на Земле, например, как специфические человеческие способности: речь, мышление, прямохождение. Являться "Я-Бытием" означает иметь границы, оболочки, которые отделяют человека от Духовного окружения и в тоже самое время защищают от погружения в него. Эта оболочка должна быть частично проницаемой, принимая во внимание возможность познавать и ощущать, находясь в "Я-Бытии". Только **СЛОВО**-Элемент может пересечь эту границу [эту

оболочку]: в интуитивном мышлении, восприятии, чувствовании и волеии - однако, частично в метаморфозированной форме. Когда две функции - разделение и проницаемость - находятся в равновесии, "Я-Бытие" переживает основную радость. С тех пор, как человек на Земле, в основном отстает по сравнению с его реальными возможностями, он очень редко переживает это равновесие и радость существования.

Овладение Духовными Истинами и Духовными Знаниями должно ближе подвести нас к переживанию главной радости(2):

"Если человечество воспримит Теософию правильным образом, то истинная радость, блаженство, которые являются источником глубокого здоровья, будут возвращены человечеству..."

"Мы все больше и больше приближаемся к источнику подлинного счастья и блаженства, к вечной молодости, но только лишь если мы познаем глубоко этические концепции сверхличного..."

"... Дух никогда не выражает себя в мрачном облике... Мрачный облик - есть про-явление эгоизма, который ещё не очищен".

Отражение основной, истинной радости живёт в юморе. В трудностях и лишениях жизни юмор - это лёгкость, непринуждённость, произвольность, раскрепощённость - есть то, где человек освобождается. Этим объясняется то уникальное положение, которое занимает ангел юмора в скульптурной композиции Р. Штайнера "Представитель Человечества".

Ясно, что радость, счастье, блаженство появляются из опыта, не из притворства, они не просто воображение; это интуиция, где - как и в любой другой интуиции - Бытие и познание **одно**. Однако, на пути обучения эта интуиция работает через своё "узнавание", "вспоминание": она есть, на этом пути, верная и настоящая память. Если по прошествии определенного времени, человек не переживает радость в своих упражнениях, он должен поменять упражнение, пока не появится ожидаемая радость; из-за того, что ученик, возможно, делает что-то несоответствующим образом, упражнение не сопровождается радостью и это, конечно, является неплодотворным.

Радость, как состояние Бытия на Земле, есть высокая интуиция; она воспламеняет саму себя в интуитивном переживании или в интуитивной активности. Радости, которые вызываются другими путями, давно потеряли связь с познанием, со **СЛОВОМ**.

Интуиция радости также может быть обнаружена через глубокую медитацию, которая дана нам Массимо Скалиджеро:

"Conosca la pura gioia? "Conoscerai il divino"

"Ты познаёшь чистую радость?" "Ты познаёшь Божественное"

Или просто можно медитировать:

"Чистая радость"

МЕТАМОРФОЗЫ ИДЕЙ

Когда мы используем язык только как средство сообщения и передачи информации, то мы употребляем малую часть его возможностей, только лишь один аспект слов-индиви-дуальностей; но источник их энергии, их сило-идея, "покров" чувств и воли обычно не замечаются, не адресовываются. До-сократовская философия или проповеди Будды были вскормлены и взлелеяны живой сило-идеей; его громадная палитра чувств использовалась поэтами-лириками, а его эманация воли - истинной религиозной культурой.

Каждое слово связано с силой, их творческое родство ведёт к истинному содержанию и значению слова. Когда оно используется в предложении, его главное значение точно установлено; слово становится менее неопределённым и менее двусмысленным. Это позволяет нам использовать слово различным образом: но эта вариация не случайна, она управляется основным значением его **arche** (греческое: начинание, управляющий принцип). Например: слово "начинать" может быть использовано в пространственном и временном ощущении или в различных пространственных и безвременных значениях. Это основное взаимопонимание, связь, работает в живом мышлении, которое ещё не является сформированной мыслью, не закончено, не свершившееся. В определенной степени человек может заметить действительность в "движении мышления", в пределах процесса. Это движение действительно является мышлением само по себе, не движением во времени, а становлением: "Бытием" в мире вечного присутствия, тогда как "Бытие" в мире прошлого есть то, что **есть**. Реальность становления является переживанием на границе сознания и она переживается как "вспышка" интуиции - понимание.

Эти идеи, которые мы не в состоянии пережить - например, идеи природы - содержат Реальные идеи, чувства и силы воли(1).

В переживании мысленной интуиции, в конечном счёте, мы переживаем потускневшее понятие. Мы часто чувствуем приближение этого "озарения" в "до-становления", возможно и в момент, когда оно промелькнуло. В "поиске" быстротечной интуиции - которую могли бы забыть - мы часто ведомы чувствами, которые сопровождают эту интуицию; это означает, что эти чувства характерны и являются частью интуиции. Когда интуиция артикулируется в словах, чувство переживания обычно теряется. Чувства переживания даны также в ощущения-качествах, связанных с переживанием, особенно в свойствах слуха, зрения, вкуса, обоняния. Гёте пытался классифицировать их, как ощущаемо-этические воздействия "свето-тени". Человек вновь должен заявить, что они являются познающей "объективностью", а не самочувственной субъективностью, или же ассоциативными чувствами. Поднимая уровень ощущений, чувство становится чище между ощущением слова и ощущением мысли, тут оно становится мыслящим пониманием, а в ощущении "Я" ("Я" другого, в "ты"-ощущении) оно снова тускнеет. При понижении уровня ощущения - в направлении ощущений жизни,

равновесия, тепла и осязания - наши чувства всё более сдвигаются в сторону переживания телесного состояния. Это не означает, что в этих ощущения-качествах нет идей, а то, что эти идеи слишком сильны; они показывают самих себя в метаморфозах непознаваемых нами качеств и мы бессильны постигнуть их в первоначальном объёме.

Каждый может задать вопрос: если мы не переживаем ощущения-качества или феномена природы как понятия, то каким образом мы можем знать, что они составлены идеально - сотворены идеей? Мы должны различать понятийную идею и понятийный характер. Когда **"что-то"** является **"чем-то"**, если оно означает **"это"** или **"то"**, тогда внимание может избирательно фокусироваться на **"этом"** или на **"том"** и после этого повторно вновь избирает, вновь познаёт, вновь обнаруживает **"это"** или **"то"** в идентичности: есть что-то в этом **"то"**, что гарантирует идентичность. Управляемое внимание само по себе имеет понятийный характер; оно было приобретено через обучение, для приобретения способностей наблюдения **"чего-то"**, отказываясь от всего: окружения, обстоятельств, качеств. Всё, что вопрошаемо, называемо, различимо, запоминаемо и узнаваемо, имеет понятийный характер: это есть то, что вызывает эти качества - идентичность.

"Что-то" или **"то"** определяется языком или - в эпоху души сознательной - через понятийную интуицию, независимую от языка. С тех пор, как интуиция реализовывает и понимает себя, только интуиции, чуждые для нас, данные извне, являются сомнительными для сознания.

Мир понятий, чувства и воли первоначально дан в каждом языке словами и грамматикой. Это показывает, что первоначальное "чувство" и "воля" были познающими активностями, и что чувство самоощущения связано с формированием эгоизма. В само-чувстве чувство отделяется от его первоначальной связи с идеей, таким образом оно становится безидейным - метаморфозой. Древнейшие человеческие знания природы основывались на том, что позволяли чувству и воле природы всплыть внутри себя: человек позволял своему чувству и воле быть сформированными посредством восприятия. Это единственный путь к пониманию технических, медицинских и других достижений "до-научного" времени. Также **вера** - в ощущении Святого Павла - особенное познающее чувство: "очевидность" в религиозной сфере.

Связь между первоначальным миром чувств, воли и идеями - выраженными языком - показывает, что эти миры устроены в соответствии с могущественными идеями: **"ЛОГОС-строение"** (**СЛОВО**-подобно); они состоят из чувства и воления идей. Эта связь все ещё прослеживается: чувство - также в его само-чувственной форме - всегда воспламеняется чем-то, что дается через восприятие (включая внутреннее восприятие), а воля, отделенная от своего идеального источника, нуждается в получении цели из мышления или представления. Само-ощущающее чувство воспринимаемо; из-за метаморфоз - отделение от сознания - оно становится принудительным: сознание не может отвернуться от него, как от других восприятий. Само-ощущающее чувство устанавливает связь с познающим чувством, как ассоциации с мыслями. В искусстве внимание связано с первоначальной сферой чувства и воли; идеальный элемент тут остается над

уровнем сознания, однако познающее чувство переживается.

Могущественные идеи природы, свободные силы внимания и творческие силы человека были однажды объединены, потекли вместе - воля и чувство были одно. Чувствующие и волевые компоненты идей природы пронизывают и питают человеческое Бытие. Ощущения в основном были сплетены вместе, сегодня они все еще проявляют себя в ребёнке; ощущение мысли и ощущение слова не были отделены от срединных ощущений, следовательно, и идея и элемент были пережиты вместе с качествами цвета, звука, обоняния и т.д.

Основные традиционные названия [*имена*] элементов природы зарождаются в этот период сознания. Не трудно заметить, что грамматические элементы, например, союзы - "или", "пока", "если"; прилагательные - "свободный", "чувственный"; существительные - "имя", "род" и т. д. не рождаются из этого источника.

Сегодня более нет необходимости обращаться к ощущениям и ощущениям-восприятиям раздельно. Мерли-Понти обнаружил необходимый пункт, где он отвечает на вопрос, относящийся к этой проблеме: "каким образом вы можете различить их?"(2). Ощущение ощущения является не переживанием, а абстрактной конструкцией.

Посредством этих свободных сил древний человек был связан частично с могущественными идеями природы, частично с высшими инспирирующими существами, к примеру с Духом Языка. Позже источник инспираций - для тех понятий, которые не могут возникнуть из природы - не был "природным", он был независим от природы. Постепенно оба соединения разделились; импульс независимости растворил вторую связь, а первая была утеряна со снижением уровня сознания. Началась эпоха задавания вопросов: вместо знаний без вопроса наука вошла в область, основанную на вопросах. Вопросы обычно адресуются к природе, и в начальной стадии структурированы словами, которые даны языком. Артикуляция в отдельных существах через древние концепции сейчас переживается как структура названий с понятийным характером; они не могут быть интегрированы и связаны из-за пропусков адекватных понятий. И это как раз является причиной вопросов.

Истинный ответ на эти вопросы должен быть интуитивным открытием соответствующих понятий, которые в прошлом были пережиты вместе со словами, в сновидческо-подобном чувственном сознании. Но явно это может происходить только если повышается уровень сознания, а не на уровне, где зарождаются вопросы. Вопросы не должны были бы возникнуть, если бы понятия были доступны. Исследователь редко осознаёт это обстоятельство и следовательно продолжает действовать аналитически. Но если бы это был единственный путь, новое понимание не могло бы быть достигнуто. Поэтому с тех пор для понимания необходим новый элемент, по крайней мере, одно новое понятие. Если уровень сознания не поднимается до получения соответствующей интуиции, новые элементы привносятся с другой стороны: они обнаруживаются ниже уровня вопроса. Значительным является то, что "объяснения", которые даются посредством подсознательной инспирации, полностью невозможно осмыслить; они

эпистемологически не имеют оправдания и всегда беднее в своих качествах, чем феномен, который они пытаются объяснить. В конечном счёте, в принципе они идеальны, т.е. невообразимы; тем не менее, человек пытается осмыслить их: в зеркальном образе недостижимой идеи, которая в начальной стадии является немислимой для задающего вопрос.

Анти-идеи, которые не основываются на очевидности - появляются, по большей части, как "специальные объяснения", позднее функционирующие как действительности - связывают мыслительные силы (свободные жизне-силы) с устройством мозга потому, что они бо-лее не осмысливаются реальным мышлением. Этим путём мозг приходит к незаконно разделённой жизни, которая становится основанием для механического мышления. Силы ощущение захватывают жизне-силы, создавая чувство "благополучия" в материалистических мысле-процессах: они пассивно следуют за устройством мозга, вместо того, чтобы активно вести его за собой. Такое "благополучие" также создаётся через снижение уровня сознания. Мозг, отделенный от жизни, является подходящей точкой нападения неосознанных инспираций.

Для достижения соответствующих интуитивных ответов, концентрированное внимание - сфокусированное на ухватывании предметов в вопросах - должно было преобразиться: намеренно направленное внимание должно было бы стать рецептивным [*воспринимающим*], посредством поворачивания в пустоту. Если этот жест не доводится до конца, то высший уровень понимания не достигается. Вопрошающее [*задающее вопросы*] внимание - изначально хотя и указывало вверх - возвращается назад и обнаруживается ниже уровня вопросов и "объяснений", которые сопровождаются чувством удовлетворённости, что типично для так называемых "объяснений".

Невообразимое, что на вид является мыслью, например, "материя без качества", "элементарная частица без качества" или "вещь в себе" и т.д. связано с чувством, по меньшей мере с его результатом. Это чувство обеспечивает устойчивость и нерасторжимый характер - сформированное чувство, которое не может контролироваться рефлекторным мышлением. Анти-идеи "работают" только потому, что чувство сопровождает их, иначе они были бы немислимы, невообразимы.

Через метаморфозы мышления, могущественные идеи, которые в начальной стадии немислимы, превращаются, главным образом, в невообразимое и поддерживающее неадекватное мышление; и не замечается, что они - эти идеи - невообразимы. Эти невообразимые "идеи" подобны зеркало-образам или теням неадекватно переживаемых высших идей, которые они олицетворяют. Таким образом, человек всё ещё в состоянии постигнуть в своем мышлении, что бескачественная субстанция имеет высшее происхождение, если он сравнивает её с идеей Бога (как это осуществляли Николай Кузанский или Скотус Эригена), где невообразимое качество может быть отнесено к Богу. Материалистические мыслители относят к "субстанции" те способности, которые в ранние времена мыслились как способности Бога, например, способность производить всё вне себя. Эти примеры невообразимого демонстрируют, как через неспособность достичь высших понятий, эти понятия перерождаются в нечто непонятное.

Неопределенность термина "невообразимый" указывает на эту возможность: то, что в начальной стадии было невообразимым, становится преимущественно невообразимым, а именно, существующим без концепций - Бытие без Бытия, как такового.

Невообразимое содержание непрозрачно для мышления, оно создает - как и любая догма - включения в живой организм мышления, этим нарушая циркуляцию и здоровую гибкость понимания. Обнаруживая их действительную природу, которая приводит к их растворению, восстанавливается здоровое мышление. На этом пути имеются различные факторы: водворившиеся и укоренившиеся анти-идеи, поддерживаемые авторитетом науки, дают "удобные объяснения". Это требует глубокого и разумного подхода к ним, а также мужественного мышления. Главным образом, они защищены сопровождающим их чувством удовольствия.

В могущественных идеях характер воли, чувства и намерения является единым; они разделяются всего лишь посредством человеческого Бытия. Непостижимый элемент чувства и воли подвергается метаморфозе: в направлении не-концептуальности.

ВНИМАНИЕ В ОЩУЩАЮЩЕМ ВОСПРИЯТИИ

Если, во время акта восприятия, человек - умышленно или не умышленно - не присутствует со своим вниманием, то он ничего не воспринимает через органы восприятия, хотя в нервной системе и мозге происходят те же процессы, как если бы он воспринимал. Это познанное основное переживание должно быть достаточным для опровержения стимул-теории осязающего восприятия. Человек может также обратиться ко сну, где похожие процессы, как в пробужденном сознании, могут происходить - по меньшей мере, в органе слуха - без того, чтобы быть замеченными сознанием.

Эти наблюдения подтверждаются результатами исследования мозга, которые обнаруживают, что воспринимающие образы не изображаются изоморфическими процессами мозга: из наблюдений и измерений, производимых над процессами мозга, человек не сможет придти к заключению относительно образов сознания, в лучшем случае - об интенсивности занятости мозга(1). Это показывает, что внимание играет наиважнейшую и центральную роль в восприятии и что физиологическим процессам приписывается большая роль, чем они обычно исполняют.

Внутреннее наблюдение в восприятии - само-наблюдение - выявляет определенный парадокс: если человек замечает и говорит о восприятии, то мышление активно и независимо от восприятия; в то же время человек подвергает самого себя сомнению, как субъект восприятия. Но когда он полностью живет в восприятии, он не осознает своего собственного субъекта и активности воспринимания до тех пор, пока он не переместит своё внимание от объекта на активность воспринимания. Эта активность и есть внимание и внутри него активно "Я", без знания о самом себе: чем более интенсивно внимание, тем более оно

является цельным и нераздельным с активностью и объектом восприятия. Но "Я" присутствует, иначе "Я"-сознание не могло бы знать о результатах идентификации "Я" с объектами. Восприятие, мышление, наблюдение всегда являются активностями кого-либо, чего-либо. Человек лишь впоследствии осознает, сколько он теряет при восприятии; воспоминание "Я" должно было присутствовать также в течении погружения, хотя оно не имело переживания этого присутствия, а только лишь его результат - воспринятое. При восприятии человеческое Бытие вливается в воспринимающий мир(2). Это есть Истинное или Высшее "Я", которое находится над уровнем каждодневного сознания. Именно этим "Я" осуществляется восприятие, через его взаимодействие с "предметами", которые передаются силам ощущения и жизни. Они суть свободные силы, которые были освобождены от организма в ходе прогрессивного развития в эволюции смене эпох(3).

"Человек, в его познаваемой части, действительно всегда находится вне тела и жизне-функций. Я часто говорил, что эта часть живёт внутри вещей и его познание основано на том, что переживание внутри вещей отражается его телом"(4).

"Я часто акцентировал внимание на том, что человек действительно становится сознательным в предметах. Это происходит по той причине, что он через "Я" и астральное тело находится внутри этих вещей. Но во время дневного, бодрственного сознания только лишь часть находится в предметах, а остальное - в физическом теле человека. Учитывая это, мы можем сказать: источником наших ощущений является тот факт, что человеческое "Я", а также астральное тело, первыми переживают откровение предметов - которое остаётся неосознанным - и это откровение впоследствии отражается в ощущениях и нервной системе человека(5).

Истинное "Я" действительно "локализуется" в той части мира, которая отражается ощущающими восприятиями через телесно ощущающую организацию и центральную нервную систему.

"... следовательно человек достигнет лучшего эпистемологического понимания "Я", если он не представит его в пределах телесной организации, где оно произвело бы впечатление "извне"; человек должен видеть "Я" внутри закона самих вещей и считать телесную организацию как нечто подобное зеркалу, которое - посредством органической активности тела - отражает влечение "Я" в трансцендентальную [превосходящую] сферу вне тела"(6).

Для каждодневного сознания очень трудно представить, что "Я" локализовано в "воспринимающем мире" - вовне. Однако, многие трудности отступают, если человек понимает, что "воспринимающее содержание" не является тем, что переживает каждодневное сознание потому, что этот живописный мир уже является результатом, телесным отражением переживаний "Я" в этом мире, трансцендентальным для каждодневного сознания. Это есть мир идей - "закон вещей" - с которым объединяется истинное "Я" человека, где он живет непрерывно. Следовательно, человек может сказать, что во сне его "Я" находится в

воспринимающем мире.

"Находясь вне самих себя, мы пребываем во внешнем мире, там, куда мы направляем - находясь в бодрственном состоянии - наши ощущения: за завесу ощущений, которые изображаются ощущения-качествами. Сознание для каждодневной жизни в это время погашено... Проникая в суть внешнего мира или имея этические интуиции, мы переживаем нечто, непосредственно наблюдаемое нами там, где мы находимся между засыпанием и пробуждением... Это проливает свет на тот факт - часто нами отмеченный - что внешний мир, воспринимаемый от пробуждения до засыпания, является определённым видом обмана, "Майей". Таким образом, можно сказать: мир, воспринимаемый нами через ощущение-откровение, имеет источник и основание, которые действительно содержат причины его Бытия. В обычном сознании мы слишком слабы для непосредственного восприятия этих причин. Человек пробуждается не от тусклой, неясной темноты, но в действительности от океана мыслей, которые создавали впечатление чрезвычайной чистоты всё время, пока человек спал"(8).

Это есть мир мыслей

"... мысле-мир, наполняющий космос, принимает нас во время засыпания и мы можем назвать этот мир мыслей космическим мысле-миром... Этот мысле-мир не только просто логичен, как наш обычный мир, но содержит более высокую логику. Если человек попытается понять это выражение, то он может назвать этот мир мыслей пре-логическим мысле-миром. Он находится намного выше нашей обычной логики, как наш мир сновидений располагается ниже логики"(8).

Обычно этот мир достигим только на уровне интуиции высшего познания:

"В действительности мы непрерывно подвергаемся интуиции, но в этом отношении мы спим; во сне "Я" и астральное тело полностью находятся во внешнем мире: там мы разворачиваем эту интуитивную активность, которую человек иначе должен сознательно раскрыть, находясь в интуиции. Но в теперешнем состоянии человек слишком слаб, чтобы находиться в сознании и в тоже время подвергаться интуиции; фактически, это происходит во сне ночью"(9).

Эта "интуиция" является выражением того, что мы раньше называли "идентификацией".

В этом ощущении мира ощущений - в ощущение-мире - таится Духовный Мир. Материал ощущений соткан из мысле-идей - высших "пре-логических" мыслей:

"Там, где разворачивается океан ощущений, находятся и ощущения-качества и то, что "Я" узнает об этих ощущения-качествах в сознании, - это есть действительные мысли. В реальности за этим океаном ощущений нет ничего, кроме мыслей, т.е. позади физического мира есть только мысли, которые поддерживаются Бытием"(9).

Этот образ соответствует описанию состояния сна, в течение которого "Я-душа"

отворачивается от организма в мир Иерархических Существ(10).

"Я", вплетённое в мир идей, находясь в разбуженном состоянии, объясняет мучительный эпистомологический вопрос о восприятии и соответствующего понимания воспринятый мира. С одной стороны, человек не должен представлять себе "границу" между внутренним и внешним миром потому, что "Я" пребывает по обе стороны утверждённой линии; с другой стороны, то, что входит в сознание, имеет природу идеи, является **СЛОВО**-подобием, "конstellацией" или "конфигурацией", как это ощущал Аристотель. Это может быть проиллюстрировано посредством образа сургуча и печати(6), или на другом примере: субстанция, из которой состоит телеграмма и содержание т. е. внутренний смысл текста(11).

"Человек берёт печать и делает на сургуче отпечаток имени, имя переносится во всех мельчайших деталях с печати на сургуч; единственное, что не может перейти - это металл, из которого изготовлена печать. Если взять вместо сургуча душевную жизнь человека, то тогда вместо печати будет нечто, трансцендентальное [превосходящее] относительно душевной жизни. Далее становится очевидным, что человек считает это невозможным, чтобы трансцендентальное проникло в изображение, образ, если только объективное содержание трансцендентального не постигается как духовное, аналогично имени, которое полностью перенеслось с печати на сургуч... Если трансцендентальное является духовным, то это духовное может быть уподоблено изображению, образу"(6).

Восприятие начинается с истинной активности "Я", которое передаётся в распоряжение свободных сил ощущения и жизни(12).

Граница "Я" проницаема только для идеи; она одна может войти в сознание, будучи отражённой физическим телом: больше ничего нет во "внешнем мире". То, что повседневному сознанию кажется "не-понятийным" в воспринимающем содержании, есть метаморфозированная форма грандиозности и ослепительности - "пре-логическое" - идей; также, как незнакомый язык не даёт ни идей, ни слов, а лишь последовательный ряд звуков для восприятия (как солнце или другой возвышенный Свет более не озаряет светом, но только лишь является болезненным ощущением для глаз), так и идеи превращаются в ощущения. Следствием является то, что это непосредственно приводит к уверенности - воспринятое существует, оно является реальностью(13).

Тремя аспектами связан воспринимаемый мир с тем, кто его воспринимает. Наиболее хорошо знакомым является эффект физического воздействия на органы ощущения. Менее знакомым является тот факт, что данное восприятие структурируется через понятия, которые доступны сознанию(14).

И наименее близкой - для современного человека - является духовная связь через истинное "Я", несмотря на то, что именно это "Я" и есть источник восприятия. Обычная воспринятая картина есть результат духовного взаимоотношения и её вхождение в Бытие не может быть восстановлено той же

самой восприимчивой картиной:

"Ощущение-восприятие обычного сознания есть откровение духовной связи - по ту сторону обычного сознания - между душой и "миром", эта связь воспринимается видящим сознанием. Если мир предназначен для "материального" [задуман как материальный], подобно модели, которую выдвигает естественная наука, то он остаётся непостижимым, непонятым и необъяснимым; если же рассматривать таким образом, что нечто духовное живёт внутри него, разговаривает как духовный элемент с человеческим духом - что обычно познаётся только лишь видящим сознанием - тогда возможность понимания такого мировоззрения оправдана"(15).

Для имажинативного познания остаётся только лишь проникнуть в суть.

"Картины, которые мы имеем перед своей душой во внешнем физическом мире, сейчас не передаются осязающими органами. Это является прямым доказательством того факта, что за осязающей связью человек вокруг себя имеет иную связь с естественным миром - то, что человеку не передаётся осязаниями. Это есть связь с Духом, которая обнаруживает слияние с внешним миром природы"(16).

Эта первоначальная Духовная корреляция [взаимоотношение] подвергается метаморфозам, преобразуясь частично в ощущение реальности(17), а частично - через Бытие, пережитое в организме - в физико-математический каркас понятий, который является орудием естественной науки(18). Такого рода понятиями природа не может быть познана, а только лишь - в противоположность древнему переживанию природы(19) - просчитана и вычислена. Первоначально в акте восприятия(20) участвовал цельный человек, сегодня данный акт происходит в ощущении в гомеопатической дозе(21). В маленьком ребёнке это совершается первоначальным, подлинным образом - оно является цельным "ощущением"(22).

Восприятие происходит там, где мысли, которые человек в состоянии помышлять, находятся в непосредственной связи с соответствующими космическими, творческими идеями - промыслить которые человек не может:

"Если бы в восприятии не было мысли, то желание образовать мысль об этом восприятии было бы для человека величайшей глупостью [в случае с ребенком это происходит совсем иначе]. Мысли были бы просто иллюзиями, если бы восприятие не осуществлялось через мысли. Что даёт комбинацию восприятий, так это то, что эти восприятия сначала были выстроены мыслями, которые мы извлекаем из внешнего мира: природные законы. Законы природы есть ничто иное, как мысли; созидающее - это Святой Дух. Восприятие представляет собой границу между обоими, где наши мысли соприкасаются с созидающими мыслями"(23).*

* см. Г. Кюлевинд - "От Нормального к Здоровому", стр. 12.

Из данного контекста следует, что термин "природные законы" не должен быть понят как законы современной естественной науки.

Тот аспект восприятия, который не кажется более идеальным, является высшим

идеальным элементом и больше не имеет возможности быть помышленным, как например, ощущение-качество. Мы переживаем их "разговор", но не можем "понять" их. Это означает, что мы не в состоянии формировать адекватные понятия. Только в искусстве они все ещё воспринимаются как чувственно-прочувствованные идеи внутри активности восприятия: имеется в виду музыкальные или художественные идеи. Если человек говорит об "ощущении" в контексте восприятия, то это указывает - кроме ощущения реальности - на чувственно-идеальный элемент внутри воспринимающего мира, позади которого скрыт первоначальный волевой элемент, все ещё содержащий в самом себе чувство и мышление в единстве: интуитивный элемент, как таковой(24). Это связано с тем, что обучение восприятия в направлении к познающему волею имеет отношение к пути, на котором достигается уровень АТМА(25). Метаморфозированная форма интуитивного элемента приводит ощущения - особенно низшие - в резонанс(26).

;

Прямая корреляция "Я" с воспринимающим миром происходит сверхсознательно. Эта корреляция распадается на ощущение реальности и изображенный образ. Запомнившееся изображение - пренебрегая ошибками и неточностями памяти - является ментальной картиной, без ощущения реальности. С тех пор, как оно становится сознательной только лишь в своём результате, воспринятое должно казаться другим, завершённым до акта восприятия, в той же самой форме.

Сейчас человек может иметь два рода внимания - намеренное и рецептивное - как вза-имодействие между двумя "Я-существами": истинное "трансцендентальное" "Я" и "имманентное" каждодневное "Я". Намеренное внимание является направленным и прямолинейным жестом каждодневного сознательного "Я" в направлении к сверхсознанию, с которым истинное "Я" идентифицирует само себя. Когда над пропастью между двумя "Я-Бытиями" - низшим "Я" и высшим "Я" - перекидывается мост, тогда осуществляется мгновенное сознательное и воспринимаемое внимание: мысле-интуиция. В медитации это соединение становится непрерывным состоянием. Пропасть между двумя формами "Я" - истинной и отраженной - есть то же, что отделяет истинную, познающую часть эфира от физического тела(23). У взрослого человека эти два "Я-Бытия" соединяются в рецептивное внимание. В маленьком ребенке несознательная форма рецептивного внимания функционирует до и во время становления речи, у взрослого - в интенсивной отдаче теме в восприятии или мышлении. В **новом** понимании освещается общность или первоначальное единство "Я-существ": одновременно они становятся целым, единым "сознанием" - интуиция означает "становление **того**" - идентифицируясь сознательным образом. Истинное, высшее "Я" достигает нижней имажинативной плоскости, уровня присутствия(28), "Aletheia", сферы жизни, когда человек может проснуться как **САМО-ДУХ** и где он в состоянии артикулировать без помощи слов языка, без необходимости поддерживать себя над мозгом; здесь он может структурировать мир текущих связей.

В восприятии внимание, сформированное ощущениями, избирательно протягивается к ощущающе-воспринимающему миру: каждодневное "Я" движется

в направлении истинного "Я", которое идентично с миром идей по ту сторону человеческого Бытия. Восприятие это "поступки и страдания "Я"; страдание настолько, насколько оно всегда в процессе "становления тем". Пока внимание ребенка рецептивно, оно не разделено на двенадцать частей ощущений, т.е. не избирательно, так как ребёнок вед является полностью ощущением.

Единичное ощущение состоит из обучающего - избирательно и специфически сформированного - внимания и ощущающего органа. Обучение внимания происходит в раннем возрасте посредством становления речи. После этого некоторое время ощущения-пространства - которые позднее разделяются - все ещё работают вместе. Требуется избирательность во внимании для того, чтобы человек переживал ощущение-качество, например, чтобы ребёнок имел возможность наблюдать только цвет, не обращая внимания на другие качества или объекты: размер, форму или субстанцию. Качество цвета должно становится "чем-то" и быть концептуально артикулированным(28), чтобы быть узнаваемым и повторно избранным - известно, что у ребёнка это происходит относительно поздно.

Разделение ощущения слова и ощущения мысли происходит в последнюю очередь, когда мышление становится независимым от языка. В искусстве ощущения слова объединяют все активности.

Внимание - направленно движущееся "Я" - "обучается", т.е. специфически формируется через восприятия, которые артикулируются речью, а также через восприятия без обозначения, подобно грамматической структуре языка. Вниманию надо обучаться, поскольку, человеческое внимание, свободно, в отличии от внимания животных; каждое обучение это есть интуиция в мысли, например, когда ребёнок понимает смысл слов "неровный" и "гладкий", "тёплый" и "холодный", "большой" и "маленький". Если понятие понимается и употребляется, оно "объединяется" в ощущении - соответствующем ему вниманию; это означает, что восприятие познается как "это есть оно", без интуитивного мышления и без отражения или воспоминания. Возможно это и есть то, что Гёте называл "обучение ощущениям"(29).

"Тем не менее, всё, что не проявляется в мире прямо как идея, в итоге познаётся как исходящее из идеи. Когда поверхностное и неглубокое размышление верит, что оно лишено какого-либо участия в идее, то идея извлекается более глубоким мышлением. Не существует другой формы существования, которая могла бы удовлетворить нас так, как та, которая извлечена из идеи. Ничему не может быть позволено остаться в стороне, всё должно стать частью великого целого - в этом заключается идея. Но идея не требует, чтобы человек вышел за её пределы; это есть Бытие, которое опирается и покоится на самом себе. Не является фактом, что идея присутствует в нашем сознании непосредственно и немедленно. Суть идеи исключает данный факт. Если бы идея в её собственном Бытии не выражалась словами, то она казалась бы нам как остаток действительности - необходимостью, быть ясной"(30).

Мыслитель и без сверхоощущающего переживания может прийти к пониманию, что только то может войти в сознание, что обладает определенной

характеристикой, качеством или идентичностью. Но качества, если они постигнуты непонятно, тем не менее, определяются понятийным путем или изображаются посредством замещающих их понятий, подобно всем объектам природы; иначе человек не смог бы идентифицировать их и они не смогли бы стать переживаниями "Я" потому, что человеческое "Я" или внимание, появляющееся из "Я", имеет **ЛОГОС-ПРИРОДУ** и приспособлено к **ЛОГОС-МИРУ**(30).

МУЗЫКАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ

Происхождение

В начале было **СЛОВО**, **ЛОГОС**; это **СЛОВО** было музыкой, звучанием, мерой, тактом и в тоже время смыслом. Греки называли "**ЛОГОСОМ**" такты лютни, т.е. лады, где человек касается струн, чтобы произвести различные звуки.

Происхождение музыки есть избыток Божественного, Его "переливанием через край", Его существом, которое подобно качеству и активности **СЛОВА**: звенит, молвит, звучит. Происхождение музыкального **СЛОВА** Божественно, оно находится над обычным уровнем сознания, является пресознательным. Человек не знает как он может верно и точно воспроизвести тон, который кто-то издает, каким образом он может точно определить *[попасть в]* высоту звука. Нет подобия между тем, что слышится и тем, что должны делать тоно-воспроизводящие органы для того, чтобы воспроизвести тон, который был воспринят.

Пение происходит без прикосновения, как гласные в разговоре. В согласных человек касается самого себя. Пение возможно только лишь через гласные.

Музыка разговаривает, иначе это не музыка; она есть "выражение **СЛОВОМ**". Музыка разговаривает через минеральный элемент, который сам не "выражается **СЛОВОМ**". Минерал делает возможным механику; это не служит "разговору", выражению. Он хочет чего-то другого. Есть что-то, кроме **СЛОВА** - объекты или предметы, принадлежащие минеральному царству: это механика.

Происхождение музыки в коллективном сознании, в жизни человечества, которое ещё не было разделено, было одной жизнью. Речь и музыка отдаются эхом от коллективной сверхсознательной сферы, звуча "говоряще-поюще" из Божественной "высшей темноты".

Происхождение музыки восходит к тем временам, когда человеческое сознание было в единстве с миром и с Богами: оно было сверхсознательным, почти спящим.

Вневременное присутствие

Музыка не рождается из необходимости, а только из избытка - это есть **СЛОВО**. В то время, как человеческое слово отделяется от музыки, последняя остаётся "над"

- выражением её ранней сознательной структуры. Но **СЛОВО** выпадает вниз: претворённое в культ, оно практически становится носителем информации. С другой стороны, музыка, также берущая начало в культе, становится искусством.

Оба - и музыка и слово - становятся "музыкой" и "**СЛОВОМ**", если только человек переживает их "избыток", "переливание через край", их "пребывание". В музыкальном царстве человек не может представить себе законченную форму; человек легко обманывается и вводится в заблуждение из-за способа, которым появляется музыка - звук и его графическое изображение.

Переживание "пребывания" есть соучастие в ритме, темпе; но в ощущающе-воспринимающем мире человек не находит ничего, что движется. Тона и интервалы остаются за их звучанием, они более не движутся. Эти элементы музыки и речи, приходящие для манифестации, появляются и остаются; появляются как прерывающиеся существа: тона и звуки, интервалы и слова.

Эти прерывающиеся существа делают возможным - и даже принуждают нас к этому - объединить их через внутреннюю активность. Движение происходит в сверхоощущении, где внутренний и внешний мир человека есть **одно**: мир внутреннего пространства.

То, что появляется, не имеет переходов, модуляций; они происходят пресознательно, но их отражение входит в сознание как граничащее переживание. Поэтому в каждом понимании - языка, а также и искусства - рождается и расцветает мир вечного, неизменного присутствия.

Это есть царство "живописного переживания", где мы боимся потерять нашу жизнь: вся жизнь присутствует не в статических образах, не как движущаяся картина вперед или назад, а как продолжение со всеми деталями, "свето-тенями", воспоминаниями и воле-импульсами былых чувств. Птица перелетает с одной ветки на другую: в этом мире это есть вечный полет, вечное отправление и вечное прибытие.

Тона мелодий не забываются после того, как они отзвучали - иначе они не были бы мелодией; они не застревают в памяти - иначе они "выпали бы" из мелодии; без забывания, без запоминания они должны быть настоящим, а также будущим - иначе это не мелодия.

Не каждая последовательность тонов является мелодией, а только если эта последовательность "производит ощущения". Но "ощущения" - смысл - существует не во времени. Ощущение это со-переживание, со-движение, со-вибрация: упразднение, уничтожение времени.

Высшая сфера чувств

Резонанс **С** [*с чем-то*] и **В** [*в чем-то*], присущий музыке, является осцилляцией [*колебанием*] внутри системы тонов или полем сил взаимоотношений между тонами. Как все игры и языки нуждаются в правилах, которые ограничивают их область действия и дают им структуру, также и музыка живет внутри системы

ТОНОВ.

"Выразительность" всегда устраняет систему, как грамматика, фонетика, синтаксис в случае с языком. Связи имеются в самой системе и в правилах, они производят взаимоотношения. Музыкальные тона и интервалы возможны только в поле сил, в гамме. В таком контексте они строят взаимоотношения, другими словами, взаимная связь тонов создает гамму; тона, а также интервалы - это еще не музыка.

Динамическое качество тонов в гамме, их энергетическое поле, их "склонение", которое никогда не двусмысленно, допускает возможность выразительности в музыкальном языке. В мажоре или миноре классической музыки второй и седьмой тона стремятся к основному тону - к тонике; пятый и шестой - самые далёкие. Оставить тонике и найти жилище через риско-ванные чувства-связи в пейзаже, который в его фундаментальном характере дан музыкальной системой - подобно диатонике, пентатонике, греческим или церковным ладам - это есть музыка.

Каждый вид музыки живет в системе тонов, даже атональная двенадцатитоновая музыка. Компромисс с теорией дает возможность творить музыку.

В художественном восприятии сохраняется оттенок чувства воспринимаемого мира. Чувства воспринимаются и мы воспринимаем через чувства. Но эти чувства не являются частными, личными, само-ощущающими чувствами - такими, как зависть, ревность - но речью, разговором, недостижимым чувством понятийных существ высшего уровня.

Музыкальная система рассказывает нечто о структуре пре-сознательной сферы, как делает это в искусстве каждый элемент стиля: для композитора это в каком-то пункте будет всеобщим даром, способностью; или, по крайней мере, может стать такой способностью. Со "вчерашнего дня" такое развитие в позитивном ощущении возможно только лишь через соучастие человека.

Высшие ощущения - ощущение слуха, ощущение **СЛОВА**, мысли, ощущение "Я" другого - и художественное восприятие через группу ощущений направляется не к предметам, а к тому, что является "выражением **СЛОВА**". Тоже самое с другими ощущениями, но из-за вмешательства элемента "прикосновения" они всплывают из высших ощущения-качеств объекта, которые являются парадоксально сверхчуждыми понятийными существами.

В художественной сфере ощущение прикосновения играет одухотворяющую, спиритуализирующую роль - это его главная задача: результатом является то, что "Я" - не это - переживает возвышение, возносится; через ожившее ощущение прикосновения оно вытягивается в мир музыки, поворачивая своё внимание и самого себя в эту сферу.

Симфония

Среди музыкальных строев диатонизм, мажорно-минорная музыка - занимает особое место. Вместе с этим на арену выступает полифония, которая может быть

найдена только лишь в христианской культуре. Частью этого было то, что тональности стали земными, уменьшилось различие между двенадцатью интервалами в октаве, музыкальный размер был развит взамен более раннего ритма речи; музыка ограничила сама себя и отделилась, что было предопределено космически; имел место сильный антропоморфизм.

Пре-сознательное музыкальное царство подошло к человеку ближе. В ходе развития стало сильнее эго-сознание, а вместе с ним и эгоизм; но сейчас мир Духа открыл себя для индивидуального человеческого Бытия - хотя только лишь в отражении, тоже самое сделал и мир музыки. Пре-сознательная часть души стала индивидуализироваться.

Как любая эволюция, которая ведёт к индивидуализации, это развитие является сомнительным, опасным и в тоже время удивительным и прекрасным. Удивительным аспектом является именно полифония, одновременное звучание различных голосов человеческих существ, живущих в раздельном сознании: преодоление разделения - сейчас как индивидуальный процесс - инициировано теми, кто отделился.

Для этой цели тона должны стать отчетливыми, но это не всегда являлось целью в музыке. В восточной полифонии человек не старается петь или играть "отчетливо"; таким путём тон может заключать в себе более широкий спектр. Украшения половины, четверти, и восьмой части тонов в фольклорном песнопении все ещё указывают на понимание этого.

Полифония требует отчетливых, ясных тонов, именно тоники - основного тона - и его обертонов. Следовательно, в разговорной речи полифония невозможна. Различные тексты, произносимые одновременно, не являются ни гармоничными, ни дисгармоничными; они есть звучание, шум и хаос потому, что тона не являются отчетливыми и чистыми.

Говорится: **"Если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного"** (Матфей 18:19).

Просить вместе (звучать вместе)* ещё не означает того, что люди должны петь, действовать, говорить идентично. Чтобы понять эту гармонию, человек должен изучить полифонию, должен сам стать полностью музыкой в чистоте её тонов.

* звучать вместе (просить вместе) - симфония (греч.)

Так глубоко, как минерал

Истинный СВЕТ не сияет извне; это есть само по себе феномен, Его разговор, Его Бытие - СЛОВО-СВЕТ.

Каждый камень имеет свой излучающий Свет. Внешний Свет есть только напоминание СВЕТА СЛОВА.

Истинный тон происходит не через движение - например, струн или смычка - но является причиной движения, в то время, как тон сам по себе неслышим для

физического уха. Звучащий тон просто напоминает нам о "выражении **СЛОВОМ**", гармонировании.

Истинная музыка находится между звучащими тонами, как Духовные Существа, когда они выражаются в живописи или в скульптуре, всегда разговаривают с человеком неподвижными губами, в это время они сами являются полностью **СЛОВОМ**, а также музыкой. Ангелы, творящие музыку, и есть музыка, но в антропоморфизированных [*очеловеченных*] образах они имеют инструменты, в противном случае у них нет ничего.

Человеческие инструменты сделаны из минерала, мёртвой субстанции. Человек проникает в них посредством своей чувствительности, которая простирается из подушечек пальцев в инструмент и дальше, во всю звучащую космическую даль. В искусствах Дух, **СЛОВО** проникает в минеральный элемент, который обычно противится **СЛОВУ**: это есть инкарнация, падение в ад, связь **СЛОВА** с минералом так глубоко, как остов Земли и человека.

Ограничение является ценностью полифонии. Дух, **СЛОВО** погрузились так глубоко, что проникли внутрь камня - в минерал, которым мы и являемся. Чувство затягивает себя в минерал, чтобы искупить себя.

Оба, музыка и язык, достигают мира видимости из одного и того же источника. Но музыка выбирает другой путь, она избегает мира звуков и прямо через тона достигает ощущающе-воспринимающего мира. На этом пути она избегает того, чтобы быть использованной в роли носителя информации. Опасность лежит намного глубже: быть использованной ниже уровня информации как экспрессия чего-либо и обращение к подсознанию.

Истинная действительность является **СЛОВОМ**, музыкальным, не камнем: она и молвит и звучит. Если это существование, это истинное Бытие достаточно интенсивно, человек не нуждается в органах чувств, чтобы ощущать. Он может слышать Бытие Шартрского Кафедрального Собора с закрытыми глазами: через неслышимое звучание пространственной структуры в нем и вокруг него он может воспринимать то, что окружает его. Его собственное усиленное состояние Бытия отвечает разбуженным состраданием и любовью: его собственной переполненностью, избытком, переливанием через край.

Само-индугенция

Земное человеческое слово, искусство и культура двулики и двойственны; они состоят из проявленной части внешнего символа и внутренней активности. Последняя может быть названа пониманием, если человек на использует это слово в интеллектуальном ощущении. То, что появляется - символ - является субъектом чувственного восприятия, а внутренняя активность - частью Духа.

Таким образом, **СЛОВО** связывает небеса и землю: оно формирует и создаёт интервалы. В случае с музыкой жест-интервал строится в Духе, всегда в соответствии с музыкальным смыслом: минорная терция между третьим и пятым,

вторым и четвёртым, седьмым и вторым тоном более уместна в гамме, чем интервал, как таковой.

Через проявленный символ **СЛОВО** может быть автоматизировано; далее оно перестает быть **СЛОВОМ**. Через проявленный символ диатоническая музыка может стать банальной, выражением субъективных чувств, которые являются само-чувством. Поэтому тоно- и интервал-взаимосвязи становятся "принудительными", как, например, "падение" в тонику в каденции доминант-тоники. Особое чувство может возникнуть у человека посредством при-менения проявляющихся форм музыки, например, такое, как привлекательность и доставление удовольствия его подсознательному чувство-пейзажу, вместо пре-сознательной сферы. Со-название "лёгкая" музыка (развлекательная, эстрадная музыка) существует только в диатонизме.

Характерной чертой каждого злоупотребления **СЛОВОМ** является тот факт, что однажды рождённая в религиозной культуре, оно становится стимулом. Вместе с воплощением **СЛОВА** наступает необходимость иметь дело с минералом, в процессе этой "минерализации" душа может полностью или частично поддаться искушению. Поэтому: "Увы, две души живут в моей груди" и часто человек остаётся только лишь в само-чувстве и ищущим удовольствия.

В этой эпохе искусство и музыка общаются с уродством; они должны поднять это уродство, иначе оно появится - украденное из искусства - в более красивом, соблазнительном наряде, как развлекательная лёгкая музыка.

Опасность неправильного употребления **СЛОВА** является частью эволюции. Возможно, что последствием этого является само-индугенция, которая предпочтительнее и вернее, чем само-переживание; развитие прекращается с приобретением само-сознания в душе, не достигая духовного само-переживания.

Полифоническая речь

У истоков музыки "речь-пение" является монофонией; она происходит из Божествен-ного единства пре-сознания, единства, из которого мог бы говорить ребёнок или весь народ.

Педагогика извне заканчивается само-сознанием души и только лишь само-образование может вести дальше. Оно подводит к тому, что каждое человеческое существо в состоянии стать источником "переливания через край", "избытком".

Человеческая музыка должна проникать в инструменты, а также и в гортань. Ангелы не испытывают никаких затруднений при проникновении внутрь камня, сделав его звучащим: они сами являются речью, пением, истинной музыкой, как человеческое существо между смертью и новым рождением. То, что является существованием **там**, становится дарованием **здесь** - духовной способностью к речи и к пению.

Подвергаясь суровым испытаниям в борьбе с минералом, третьим рождением, рождени-ем Духа, человек находит музыку как достойный подражания образ,

модель для возможности импровизации в полифонии. Полифония указывает на выход из пространства: потому, что там два, три или более тона могут существовать одновременно, без беспокойства, нейтрализации или взаимного затмевания одного другим, без перехода в средние тона, подобно цветам; там, где тона поддерживают свою индивидуальность, пока они вместе творят новое качество, там нет пространства, в котором перспективная живопись старалась обнаружить и спроектировать себя из трехмерного пространства в плоскость.

В полифонии музыкант слышит не только свой собственный голос - слегка предчувствуя его - но в тоже самое время и другие голоса.

Музыка позволяет одновременно звучать различным текстам. В начальной стадии звуки, как таковые, несовместимы друг с другом потому, что они не чисты и не отчетливы как музыкальные тона. Если звуки становятся легче, они могут освободиться от загрязнений души тем же путем, как при гомеопатическом разведении качество чистоты субстанции избавляется от "невыраженной словом" минеральности.

Гармония звука, его симфония готовит путь к музыкальному существованию человека: истинное совместное Бытие - со-Бытие.

СЛОВО В МУЗЫКЕ

Музыкальное внимание

Один из феноменов музыки есть то, что данный тон - спетый или сыгранный на инструменте - может быть немедленно и без усилий воспроизведен без предварительных попыток. Как бы не казалось это нормальным, в тоже время не может быть легко объяснимым потому, что то, что слышится, не содержит в себе каких-либо симптомов или показаний о том, что должно быть сделано, чтобы воспроизвести ту же самую высоту звука. Более того, это воспроизведение явно не проходит окольным путём понятийной идентификации - только человек с абсолютным слухом знает, каким тоном является звук в нашей гамма-системе. Таким же образом звук, никогда ранее не слышимый - как звук иностранного языка - может быть сверх-сознательно и мгновенно воспроизведен с высокой точностью. Это означает, что данный феномен не включен непосредственно в репетицию и практику и чтобы воспроизвести тон, не нужно быть узнанным в ощущении Бытия, познанного как часть тоно-системы. Внимание должно обучиться только лишь высоте звука, игнорируя не только множество вторичных тонов, которые появляются, но и такие подробности, как, был ли тон спет, сыгран на скрипке или промурлыкан.

В противоположность такому способу функционирования в обычном восприятии, внимание, когда оно направлено к музыке, не возвращается немедленно к воспринимающему так, что воспринятое может быть схвачено мысленно понятийным путём: пока внимание слышит музыку или музыкальные

элементы, оно остаётся "снаружи" по отношению к тому, что должно быть воспринято. Следовательно, "понимание" музыки не является двойственным процессом, как происходит в обычном восприятии и понимании текста: в них момент восприятия и момент понятийности чётко различимы, даже когда последний мгновенно следует за предыдущим. Если, слушая музыку, я не "понимаю" её, то это значит, что я не слышу музыку, а слышу просто тона, интервалы и звуки - также, как я могу воспринять слова текста без переживания их значения. В обоих случаях элементы восприятий должны быть дополнены внутренней активностью - они должны быть "прочитаны вместе", "услышаны вместе" - если я хочу достигнуть смысла. Эта полная активность должна быть более сильной, интенсивной, менее общей и менее банальной - по отношению к воспринятой. Музыкальное обучение означает развитие этой внутренней активности.

Тот факт, что музыкальное внимание может с уверенностью различать, что прекрасно, и что не является таковым - в тоже время оставаясь феноменом в восприятии и сотворении музыки - показывает то, что отдельно появляется в сознании как мышление и восприятие. В музыке оба приходят в гармоничное сочетание. Но именно поэтому восприятие и мышление принимают различные формы: они объединяются на высшем уровне, который относительно обычного сознания является **сверх-сознанием** [*выше уровня ежедневного сознания*]. Это очевидно, что в музыкальном внимании восприятие пропитывается идеей. Здесь оба элемента заполнены жизнью, чувством - а в случае с музыкой - также и волею. Лишь уверенность, возможная в музыке, позволяет познать, что речь, по сути своей, запутана и сложна: **СЛОВО**-подобный идейный элемент, который не может быть выражен словом. Музыка приподымает внимание до активного чувства внутри слушания, в пределах слышимости, до чувство-внимания для интер-субъективного элемента музыки. В контрасте с самопоглощающими субъективными чувствами - как зависть, амбиции, тщеславие и т.д. - этот вид чувства направляется прямо к пра-феномену, чувство чувствует "**это**" и в делании "**этого**" определяет его.

На это определение частично влияет степень внимания к масштабу, к размерности, которое "охватывается": насколько далеко через "охватывание" - "понятийность" - оно несёт характер композитора в появляющейся тоно-картине, настолько в жесте восприимчивости оно позволяет себе быть сформированным замыслом данной музыки. Этот замысел творится и тем, кто творит и тем, кто интерпретирует его. Внимание обычно начинается с концентрации схватывающего жеста. Если оно встречает что-то новое, что-то высшее, оно "возвращается" и позволяет себе быть сформированным тем, с чем неожиданно встречается, при этом говоря: "Будет сделано". В равновесии этих двух жестов слышимая картина музыки приходит к осознанию и реализации.

Реальность музыки

Реальность музыки и текста возникает через взаимную адаптацию внимательной

воли слушателя и замысла автора - эта реальность в случае с музыкой видоизменяется при помощи её особенной интерпретации. С текстом - содержательным и глубоким по смыслу текстом - выполненная внешняя сторона фиксируется (как в природе) настолько, насколько человек воспринимает его как текст. Текст может сказать мне только то, что я понимаю в нём - для меня это является действительностью текста, сформированного с двух сторон. Скрытая часть земного слова может изменяться; человек, перечитывая со временем тот же текст, переживает его по-новому; произносить что-то совершенно новое - это переживание, которое может происходить снова и снова. Нечто подобное происходит с медитативной темой, объектами искусства и также с музыкальным произведением.

Феномены временного искусства (искусства, которое движется внутри элемента времени появляется во временной последовательности) могут украшать вариациями свою внешность, а также и скрытую часть, т.е. их смысл. Форма проявления предметов природы изменчива, но зафиксирована в своём идейном элементе: растение не меняется относительно своего вида, в то время, как оно преобразуется в кругообороте года и под воздействием внешних обстоятельств. Поэтому Фома Аквинский говорит: "Феномен природы находится между двумя интеллигенциями, двумя Духовными существами - человеком и Божеством - и это называется истиной их взаимного приспособления (de Veritate 1:2). Соответственно, феномены природы являются результатами этого приспособления, "адекватностью" ("Adequatio"): на границе, где внимание воспринимающего и замысел автора - Творца - встречаются, воздвигается соответствующая реальность. В действительности поверхность этой границы и является той реальностью, о которой идёт речь.

Эта реальность изменчива; изменение является общим переживанием в области искусства медитации или реальности требуемого текста. Даже природа по-разному видится обывателю, лесничему, собирателю трав или посвященному. Воспринятый образ изменяется посредством адекватных - это есть более живое чувство, воление - идей, которые прокладывают дорогу в это восприятие. Химик наблюдает за минералами, ботаник - за растениями, нет разницы до и после исследования, разница только лишь в том, что впоследствии они знают больше об объекте наблюдения; однако, воспринятый образ качественно не изменяется, как это происходит в случае с художественным восприятием, когда художественная "идея" схватывается. В искусствах восприятие изменяется потому, что оно есть то, что имеет значение: объясняющий внутренний жест, который обычно называется "мышлением" и должен всегда происходить в ощущающей активности. Непоследовательное понимание может иметь место вне восприятия только в исполнении потому, что идейный элемент в обычном ощущении не ограничен одним лишь значением. Музыкальное произведение может быть "прекрасно" исполнено различными способами.

В восприятии обычного языка понятие ясно отличается от внутренней картины, которая выявляет себя посредством чувства слуха, а в чтении - из визуального изображения образа; но в музыке понятийность сливается с активностью музыкального слушания. Именно таким образом возникают все музыкальные идеи

- далеко от интеллектуальных теорий - и это есть то, как они воспринимаются. Несколько иным образом происходит слияние способной к восприятию и осязающей активности в других искусствах. Таким образом для каждого искусства культивируется особый метод внимания.

Как готовность к вниманию у детей *[со школьного возраста]* должна быть информирована понятийной активностью - так как она может избирательно переживать индивидуальное ощущение-качество, не обращая внимания на форму, размер и материю, а уделяя внимание исключительно цвету и оттенку объекта - также должно быть информировано ощущение для музыки. Аналогично, первая восприимчивая система - родной язык - "приобретается" через сверх-сознательную интуицию, а второй язык - через сознательную, энергичную, напряженную и в значительной степени, интеллектуальную активность; большей частью именно музыкальный "родной язык", скорее всего, формирует ощущение для музыки. Этим объясняется цепкость музыкального вкуса и то, почему так трудно для отдельной эпохи, "понять" новую музыку.

В наш век трудно обнаружить новые идеи, для этого требуется Духовная активность. Более того, ведь это очень заманчиво и соблазнительно, так как легче предоставить музыке внутреннее завершение - где формы и звуки структур являются привычными через установленный порядок - чем следовать за необычными музыкальными феноменами посредством живой внутренней активности.

Сверхсознательная сфера в художественной активности

Также, как логика является последующим описанием того, что мы делаем в мышлении спонтанно, также и эстетика - любая формулировка красивого - последующая, а для нас всегда несовершенная попытка ухватить смысл понятий обычного сознания, который имеет место в художественной способности "вне" и "до" любого понимания. Тем же самым является истина грамматики: она пытается установить закономерность, каким образом человек, а в особенности ребёнок, использует родной язык без каких-либо знаний в этой области.

Таким образом способности: мышление, речь, художественная активность, также как обдуманное неторопливое движение конечностей, могут быть описаны как сверхсознательные способности. Такой же способностью является успешная имитация предварительно сыгранного тона.

Но в противоположность мышлению, речи, хождению или преднамеренному движению, художественная способность - даже в своей пассивной форме - может быть сознательно изучена и применена на практике. Действительно, это единственный путь, на котором она приобретает, хотя сознание подходит только к определённой границе: там, где начинается область истинной и совершенной красоты, где человек полагается на сверхсознательные способности, которые раскрываются посредством обучения и упражнений и они могут в дальнейшем развиваться. Но подлинный перенос себя в художественное сознание на сверх-

сознательном уровне - активно или пассивно - не совершается сознательно, не в пределах непрерывности сознания [*т.к. сознание прерывается*], как это требуется в подлинных трени-ровках сознания, необходимых для познания, которые должны соответствовать нашему времени. Это остаётся в силе, по крайней мере, в традиционных искусствах; они стоят между сверхсознательными способностями, приобретёнными в детстве без сознательного обучения, и непрерывным повышением познавательного сознания во взрослом периоде посредством тренировки сознания. То, чему "научились" речевые органы ребёнка в музыкальном обучении, передаётся практике пальцев, рук и в конечном счёте, всему телу, т.к. все органы вовлечены в этот процесс: освобождение от всего, что стало привычным и механическим, приводит к тому, что, как органы речи доводят до конца замысел разговора, точно таким же образом пальцы, руки и другие органы могут в любой момент осуществить музыкальную инспирацию. В музыке человек учится иметь дело с соответствующей сверхсознательной способностью - и как ранее было описано - без постоянного обращения за помощью к обычному уровню сознания.

Процесс подъёма к высшему, сверхсознательному уровню сознания происходит в каждом искусстве с помощью особых, специальных элементов искусства. В живописи это цвет, оттенки, в музыке - чистые, ясные тона, которые, возможно, состоят из основного тона и его обертонов. Высшие понятия аналогичны этим элементам, но они находятся уровнем выше чем те, которые схватываются обычным сознанием. Мы относимся к ним так, как к природным феноменам, истинная реальность которых для нас, на самом деле, непостижима - это есть функциональные концепции. Мы ощущаем, что словом "зелёное" что-то сказано, но соответствующее ему понятие остаётся сверхсознательным; в живописи человек учится общаться с высшей "СЛОВО-подобной" реальностью.

В природе чистые тона встречаются довольно редко. Большинство природных тонов, также как тона речи - за исключением нескольких архаичных речевых привычек - состоят из смешанных тонов, которые составлены из многих плотно упакованных основных тонов и их обертонов. Любой вид музыки работает с чистыми, ясными тонами - больше в полифонии и меньше в гомофонии

Чистые тона прозрачны, как драгоценные или полудрагоценные камни; человек может погрузить в них самого себя без неожиданной встречи с ограничивающей непрозрачностью. В музыке он имеет дело с высшими **СЛОВАМИ**, без их понимания, как бы имея природу **СЛОВА**. Запутанность, как таковая, происходит целиком в воспринимаемом, слышимом. Уже в чистых и ясных тонах творчески добавляется слышимый мир. Это царство восприятия, которое творчески было добавлено к природе, говорит с человеком языком прекрасного и внутри этого царства человек говорит на этом же языке. Здесь искусство стоит посередине между природой и языком высших идей, т.е. сверх-чувственным познанием: для современного человека природа нема и чтобы понять сообщения высшего знания, человек должен, по меньшей мере, обогатить свой запас понятий понятиями от высших уровней.

"Созвучие-согласование": *Adaequatio*

Только в нынешнее время сочинение музыки - искусство - это есть обращение к чело-веческому существу. Первоначально музыка и язык, объединённые в одно целое, обозначали Божество; образы витражей в Готических кафедральных соборах все ещё обращены к Богу.

Музыка, обращенная к Богу - также и искусство в целом - была безмолвной. Направлен-ная к человеческому существу, она становилась всё более разговорчивой на пути развития и совершенствования. Отныне темы не только предлагались, но и развивались, раскрывались, комментировались, им давалась характеристика, между темами устанавливалась связь для того, чтобы сделать музыку более понятной.

Музыка, которая была обращена к Богу, подготавливала встречу человека с Божеством для их "созвучия-согласования" - в связи с этим Фома Аквинский обращался к "*Adaequatio*". Искусство было сверхчеловечески творческим, Божественно педагогическим; оно хотело **чего-то**, только это **что-то** не исходило из человеческого интеллекта, а из сверх-сознательного водительства человечества.

На границе, где внимательная воля неожиданно встречается с Высшим, где соответст-венная реальность появляется через отпечаток "полного изменения воли", "**созвучия-согласования**", ассимиляцию, внимательность запечатленное тем, что является высшим, поднимает свой собственный источник - "Я-Бытиё" - к Высшему. Это есть то, чем является Ангельская песня восхваления; здесь не имеется в виду, что **БОГ** хочет быть польщён или его достоинства приукрашены, но Ангелы в их песнях - которыми они, по сути, являются (в конце концов они не имеют органа для речи и пения) - приспособливают самих себя к тому, к чему они обращаются; как человек в молитве, они звучат сквозь высшее.

Незначительное, как в гомеопатии, "**созвучие-согласование**" происходит с имитацией тона в голосовых связках и тончайший, нежнейший организм уже неслышимо "со-вибри-рует" с восприятием тона, который должен быть симитирован. Следовательно голосовые связки знают, что они должны делать для воспроизведения тона. Величайшее достижение европейской музыки - полифонии - основывается на принципе "звучания-сквозь" и "Бытия сквозь-звучание"; это возможно только лишь с чистыми и ясными тонами. Через полифонию человек в музыке учится тому, что не может быть познано иным способом, а если это и происходит, то крайне редко: поступать относительно такта и темпа других голосов так, что всё гармонизируется или симфонизируется. Это является основой всякого культа, который свойственен современному сознанию; и в тоже самое время это преобладает над другими сферами человеческого Бытия. Если человек не в состоянии воспринять Божество в других человеческих существах, то как сможет он объединиться с Высшими Существами и их Бытиём. Как сказано в основной медитации, касающейся социального строя: "...Если двое из вас согласятся на земле просить* о всяком деле, то чего бы не попросили, будет им от Отца Моего Небесного" (Матфей 18:19).

* звучать вместе (просить вместе), находиться в созвучии - симфония (греч.)

Даже гомофоническая музыка всегда была социальным действием; гомофония означает пение с одним общим высшим сознанием. Полифония является символом того, что раз-личные "Я-существа" - индивидуальности - подобно Ангелам на небесах, гармонируются в земном пении и могут "звучать сквозь" один другого, без отказа от своей индивидуальности. Сегодня композиторы и музыканты становятся индивидуальными даже в сверх-сознательной сфере; музыкальное творчество возможно только в сверх-сознательном.

Когда полифоническая музыка проецируется на Земле в другие области человеческой деятельности, социальный - даже интернациональный - антагонизм может трансформироваться в гармонию.

То, что здесь было описано, может помочь человеку сориентироваться в развитии современной музыки и искусства более ясно и пронизательно.

Увеличение или уменьшение яркости, чистоты и ясности сознания говорит о том, было ли услышанное истинной музыкой или её суррогатом, её негативным противоположением.

ПРИМЕЧАНИЯ

Новое "естественное" ясновидение

1. "Событие явления Христа в эфирном мире" ПСС-118 от 25.01.1910.
2. "Событие явления Христа в эфирном мире" ПСС-118 от 30.01,1910.
3. "Событие явления Христа в эфирном мире" ПСС-118 от 15.03.1910.
4. "Событие явления Христа в эфирном мире" ПСС-118 от 10.05.1910.
5. "Событие явления Христа в эфирном мире" ПСС-118 от 15.05.1910.
6. "Событие явления Христа в эфирном мире" ПСС-118 от 27.01.1910.
7. "Событие явления Христа в эфирном мире" ПСС-118 от 20.02.1910.
8. "Событие явления Христа в эфирном мире" ПСС-118 от 6.03.1910.
9. "Пути и цели духовного человека" ПСС-125 от 23.01.1911.
10. "Эзотерическое Христианство и духовное водительство человечества" ПСС-130 от 21.09.1911.
11. "Эзотерическое Христианство и духовное водительство человечества" ПСС-130 от 28.09.1911.
12. "Эзотерическое Христианство и духовное водительство человечества" ПСС-130 от 11.10.1911.
13. "Эзотерическое Христианство и духовное водительство человечества" ПСС-130 от 3.12.1911.

14. "Эзотерическое Христианство и духовное водительство человечества" ПСС-130 от 4.11.1911.

15. "Подступы к Мистерии Голгофы" ПСС-152 от 14.10.1913.

16. "Духовнонаучная психология" ПСС-107 от 2.11.1908.

"Человек в свете Оккультизма, Теософии и Философии" ПСС-137 от 4.06.1912

"Жизнь между смертью и новым рождением" ПСС-141 от 5.11.1913; 1.04.1913.

17. "Эзотерическое Христианство и духовное водительство человечества" ПСС-130 от 17.09.1911.

18. "Подступы к Мистерии Голгофы" ПСС-152 от 2.05.1913.

19. "Подступы к Мистерии Голгофы" ПСС-152 от 1.05.1913.

Михаэль - Дух Времени

1. "Сверхчувственный человек, рассмотренный антропософски" ПСС-231 от 14.11.1923.

2. "Rilke, R. M., "Zueignung"(Dedication), in "Werke, Auswahl in 2 Baenden"

3. "Перспективы человеческого развития" ПСС-204 от 16.04.1921.

4. "Перспективы человеческого развития" ПСС-204 от 17.04.1921.

5. "Антропософские руководящие положения" ПСС-26

6. "Розенкрейцерство и современное посвящение" ПСС-233а от 13.01.1924.

"Искусство и познание искусства" ПСС-271 от 5,6.05.1918.

7. "Человек в свете Оккультизма, Теософии, Философии" ПСС-137 от 5.12.1912.

"Границы природопознания" ПСС-322 от 1.10.1920.

8. "Философия свободы" ПСС-4 глава 9 и 12.

Размышление Сердца

1. "О загадках души"

ПСС-21. Глава 4. "Человеческая душевная жизнь и духовное стремление" ПСС-212 от 6.05.1922

2. Г. Кюлевинд "Ступени сознания" Глава: "Концентрация и созерцание"

3. Г. Кюлевинд "Ступени сознания" Глава: "Основные переживания Духа"

4. "Мировоззрение Гёте" Глава: "Личность и мировоззрение" ПСС-6.

5. "Философия свободы" ПСС-4

6. "О загадках души" ПСС-21. Глава 1.

7. "G. Kuhlewind, "Das Licht des Wortes", chapter 1

8. "Мировая история в антропософском освещении как основа познания человеческого Духа"

ПСС-233а от 13.01.1924.

9. "Как достигнуть познания высших миров?"

Глава: "О некоторых последствиях посвящения" ПСС-10.

10. "Теософия" Глава: "Тело, Душа, Дух" ПСС-9

11. "M. Scaligero, "L'Amore Immortale". XI., Tilora, Rome, 1963

12. "Загадка человека. Духовные подосновы человеческой истории" ПСС-170 от 2.09.1916.

13. "G. Kuhlewind, "Schooling of Consciousness", chapter 3

14. "Антропософские руководящие положения" ПСС-26. Глава: "На заре эпохи Михаэля".

15. "Антропософские руководящие положения"

Глава: "Душа человека до Михаэловой эпохи" ПСС-26.

О радости

1. "Философия свободы" - добавление к главе 12.

2. "Начальные импульсы Духовной Науки" ПСС-96 от 12.06.1907.

Метаморфозы идей

1. "G. Kuhlewind, "Das Leben der Seele zwischen Ueberbewusstsein und Unterbewusstsein", chapter 3

2. "M. Merleau-Pontu. "the Primacy of Perception", Northwestern University Press, 1964

Внимание в ощущающем восприятии

1. "J. E. Eccles, "The Human Mystery", chapter 8.2

2. "Путь к самопознанию человека" ПСС-16 Глава I.

3. "G. Kuhlewind, "Das Leben der Seele zwischen Ueberbewusstsein und Unterbewusstsein", chapter 5

4. "Случайность, необходимость и провидение" ПСС-163 от 30.08.1915.

5. "Духовное соединение человечества через Импульс Христа" ПСС-165 от 2.01.1916.

"Оккультная физиология" ПСС-128 от 23.03.1911.

"Оккультное чтение и оккультное слышание". ПСС-156 от 3,5.10.1914.

"Перспективы человеческого развития". ПСС-204 от 16.04.1921.

"Становление человека. Мировая Душа и Мировой Дух". ПСС-205 от 16.07.1921.

"Духовные связи в образовании человеческого организма". ПСС-218 от 20.10.1922.

- "Медицинский курс лекций для пасторов". ПСС-318 от 10.09.1924.
6. "Философия и Антропософия". ПСС-35
7. "Оккультное чтение и оккультное слышание". ПСС-156 от 3-5.10.1914.
- "Подступы к Мистерии Голгофы". ПСС-152 от 1.05.1913.
- "Перспективы человеческого развития". ПСС-204 от 16.04.1921.
- "Становление человека. Мировая Душа и Мировой Дух". ПСС-206 от 13.08.1921.
- "Загадки философии". ПСС-18 Глава 4
8. "Становление человека. Мировая Душа и Мировой Дух". ПСС-205 от 8.07.1921.
9. "Становление человека. Мировая Душа и Мировой Дух". ПСС-205 от 15.07.1921.
10. "Воздействие Духовных существ на человека". ПСС-102 от 4,11.04.1908.
11. "Естественно-научные труды Гёте". ПСС-1 Глава: "Гёте, Ньютон и физики".
12. "Духовные подосновы первой мировой войны". ПСС-1746 от 26.04.1918.
13. "О загадках Души". ПСС-21 Глава 4.
14. "G. Kuhlewind, "The Logos-structure of the World", chapter 5
15. "О загадках человека". ПСС-20
16. "Руководящие положения".
- ПСС-26 Глава: Чувственная и мыслительная система человека и их отражение в мире".
- "Антропософия". ПСС-45 Глава 5
17. "О загадках Души" ПСС-21 Глава 1,4,5.
18. "Границы природопознания". ПСС-322 от 29.09.1920.
- "Момент возникновения естествознания в мировой истории и его последующее развитие".
- ПСС-326 от 27.12.1922.
19. "Поиски новой Изиды, Божественной Софии". ПСС-202 от 26.12.1920.
- "Импульсирование мирового исторического становления духовными силами".
- ПСС-222 от 22.03.1923.
20. "Оккультное чтение и оккультное слышание". ПСС-156 от 20.12.1914.
21. "Границы природопознания". ПСС-322 от 2.10.1920.
22. "Человеческая душевная жизнь и духовное стремление". ПСС-212 от 25.05.1922
23. "Основные элементы эзотерики". ПСС-93а от 12.10.1905.

"Антропософия как космофизия". ПСС-207 от 30.09.1921.

"Посланичество Михаэля. Откровение тайн человеческого существа". ПСС-194 от 30.11.1919.

24. "Мир чувств и мир Духа. ПСС-134 от 28.12.1911.

"Общая психология как основа педагогики". ПСС-293 от 21,22,23.08.1919.

"Посланичество Михаэля. Откровение тайн человеческого существа". ПСС-194 от 30.11.1919.

25. "Основные понятия Теософии". ПСС-53 от 9.02.1905.

26. "Духовная Наука как познание основополагающих импульсов социального образования".

ПСС-199 от 8.08.1920.

27. "G. Kuhlewind, "The Substance of the I".

28. "G. Kuhlewind, "Schooling of Consciousness", chapter: "Instructing the Senses".

29. "Естественно-научные труды Гёте"

ПСС-I Глава: "Знание и действие в свете гётевской манеры мышления"

30. "Человеческая душевная жизнь и Духовное стремление" ПСС-212 от 27.05.